

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**В.А. Воропаева
С.В. Плоских**

**ДВЕ
СТРАНИЦЫ
РЕПРЕССИРОВАННОЙ
НАУКИ**

**В.И.Вернадский и Ф.А.Фиельstrup
в «Деле славистов»**

Бишкек • 2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
В 75

*Рекомендовано к изданию
ученым Советом Гуманитарного факультета КРСУ*

Ответственный редактор:
академик А.Ч. Какеев

Рецензенты:
чл.-корр., д-р. филос. наук А.А. Брудный,
д-р. истор. наук, проф. З.К. Курманов

ВОРОПАЕВА В.А., ПЛОСКИХ С.В.
В 75 Две страницы репрессированной науки:
В.И. Вернадский и Ф.А. Фиельструп в «Деле славистов».
– Б.: КРСУ, 2007. – 108 с.

ISBN 978-9967-05-385-4

В книге освещается один из этапов противостояния научной интеллигенции и власти в репрессивный период тоталитарного режима Советского государства – в 1933–34 гг. На примере сфабрикованного так называемого «Дела славистов» рассматривается процесс морального и физического уничтожения российских ученых, не пожелавших или не сумевших вписаться в новую идеологию и служить диктатуре власти. Кампания, начатая в Центральных районах России, вскоре распространилась и на окраины страны. Не избежали этой печальной «эпопеи» и ученые Кыргызстана.

Книга рассчитана на всех, интересующихся историей науки и судьбой интеллигенции периода строительства социализма.

В 0503020000-07
ISBN 978-9967-05-385-4

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
© Воропаева В.А.,
Плоских С.В., 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Вместо введения	6
«Дело славистов», или какое отношение имели В.И. Вернадский и Ф.А. Фиельструп к сфальсифицированному процессу	13
В творческом искании правды личностью	33
Еще одна страница истории науки Первые шаги кыргызской этнографии	63
Несколько малоизвестных страниц из трудов Ф.А. Фиельструпа	79
Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов	79
Заметки «Кара-Космос» Рубрука	99
Вместо заключения	105

От редактора

Перед нами очередной научный труд уже известных в Кыргызстане ученых-историков и культурологов, преподавателей Кыргызско-Российского Славянского университета профессора В.А. Воропаевой и доцента С.В. Плоских.

Они не раз обращались в своих исследованиях к проблеме роли исторических личностей в истории, к судьбам русской и кыргызской интеллигенции в XX столетии. Достаточно назвать монографию В.А. Воропаевой «Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана». – Т. I. – Бишкек, 2005 (45 п.л.) и С.В. Плоских «Репрессированная культура Кыргызстана. Малоизученные страницы». – Бишкек, 2002 (17 п.л.), не говоря уже о других публикациях. Новая работа, написанная как по литературным источникам, так и с привлечением ранее неизвестных архивных материалов, посвящена в основном одному сюжету – началу репрессий против ученых, которые с 1930-х годов начались по всему Советскому Союзу: от центральных регионов до самых отдаленных окраин.

Авторы в основном останавливаются на судьбах двух людей, научная судьба которых в определенной степени была связана и с изучением производительных сил Киргизии, материальной и духовной культурой кыргызского народа. Их имена пытались вытравить из нашей истории. Один из них погиб в самом начале процесса репрессий. Однако вклад этих ученых в науку остался и продолжает служить людям.

Надеюсь, что и эта работа двух авторов будет с вниманием и благосклонно встречена читателем, интересующимся правдой истории, какой бы горькой она ни была. Но это – наша история.

Академик А. Какеев

Вместо введения

В свое время один из известных философов заметил, что история – «учитель жизни» никого ничему не научила. Но история все-таки заставляет обращаться нередко к самым крутым поворотам в ее судьбе. Причем к любому историческому явлению следует подходить с позиций историзма, то есть объективной реальности, во времени и пространстве.

И вот снова аналогичная ситуация. Тем поучительнее перечитать и переосмыслить произведение выдающегося английского романиста Герберта Уэллса, образным названием своей книги «Россия во мгле» адекватно отразившего состояние России в 20-е гг. XX в. Когда писалась эта книга, Г. Уэллс заметил, что его соображения касаются не только России 20-х гг., но будущего нашей цивилизации.

Что же увидел и предвидел Г. Уэллс?

- ✓ События, происходящие в 20-е гг. в России, оценены им как грандиозная социальная катастрофа, всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система.
- ✓ Источник этого глобального потрясения коренится внутри самой страны. Это был огромный организм, который изжил себя и поэтому рухнул.
- ✓ Революции и войны, как следствие внутреннего недомогания, возбуждают нравственную лихорадку, ведут к моральному разложению (прежде всего детей и подростков, т.к. они не успели быть воспитанными в условиях традиционной стабильности), вызывают отчаянный взрыв самых темных сил человеческой природы.

Этот вывод Г. Уэллса подтверждается исследованиями Питирима Сорокина*, обосновавшего закономерность деструктивного влияния войн и революций на жизнь и поведение человека. Они ведут к полному извращению социальной жизни в сторону варварства и дикости, надолго лишают людей подлинно человеческих отношений. По данным П. Сорокина, в сотни раз увеличиваются вооруженные грабежи, убийства, хищения на железных дорогах, причем обнаруживаются тенденции к зверским, садистским убийствам.

М. Горький в статье «О русском крестьянстве» приводит факты изуверства в отношении людей, которых живыми закапывают в землю, сжигают в топках паровозов. При всех революциях ослабляются тормоза, сдерживающие половую мораль. Логическим развитием революции является «сексуальная революция».

Сегодня наши страны, да и весь мир попал в состояние этой глобальной катастрофы. Масштабы необузданного насилия, жестокости, организованной преступности превзошли все, что было известно в истории.

Но вернемся к Г. Уэллсу и его книге «Россия во мгле».

- ✓ Г. Уэллс предупреждал о болезнях, которые неизбежно возникают в период нестабильности. Сегодня страшна не только атомная бомба и радиация, но «старые» болезни – туберкулез, сибирская язва, холера. Агрессивная информационная среда усугубляет агрессивность общества в целом и вызывает психические расстройства.
- ✓ Г. Уэллс обращает внимание и на тревожную ситуацию, складывающуюся с творческой интеллигенцией. На фоне общей высокой смертности его поразила беспрецедентная смертность среди творческой интелли-

* Питирим Сорокин (1889–1968) – русско-американский социолог. В основе его концепции – идея о приоритете сверхорганичности системы ценностей, значений, «чистых культурных систем», носителями которых являются индивиды и институты, а исторический процесс – есть флуктуация типов культур.

генции. Он считает, что решающую роль здесь сыграли не столько нищета и голод, сколько трагическое осознание бесполезности ее большого дарования, интеллекта и патриотичности.

И сегодня многие из ученых, художников, композиторов покинули отчизну, ставшую мачехой. Статистики же, фиксирующей преждевременную смерть от трагического разлада с жизнью, к сожалению, не существует.

Г. Уэллс, будучи принципиальным противником марксизма, теории и практики большевиков, тем не менее пишет, что по общему духу своему большевизм в начале XX в. был честен, и его партия – единственная организация, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия. Коммунисты оказались людьми идей. Морально они стояли выше всех своих противников. Они вели не просто скромную и трудную, но, скорее, аскетическую жизнь. Именно эти качественные особенности позволили Г. Уэллсу написать о большевистском правительстве как о единственно возможном, идейно сплоченном, честном в то время. Правительство молодой Советской республики он определил почти «становым хребтом» возрождающейся тогда России.

Случилось так, как случилось: история свидетельствует о том, что молодая Советская республика на основе советской власти смогла сплотить как-то народ и вернуться к цивилизации, преодолеть послереволюционные трудности и стать великой державой.

... Но далее опять застои, произошло нарушение объективных законов истории. И сегодня мы являемся свидетелями повсеместной борьбы с коррумпированностью власти и чиновников, с бесстыдной роскошью современных «нуворишей». Такая власть не вызывает у граждан взаимодоверия, скорее, напротив.

Г. Уэллс уже тогда, в годы революции считал: для того чтобы построить новый мир, нужно сначала изменить психологию людей. История свидетельствует о том, что советское государство оказалось глубоко педагогичес-

ким государством. Оно стало сразу воспитывать человека нового советского типа. Для этого развернулась грандиозная плодотворная работа по ликвидации безграмотности, развитию народного образования, вернее, политического просвещения, и потом созданию системы народного образования.

Работники искусства оказались пионерами этого движения. В начале века наиболее устойчивым элементом культуры оказался театр. Драматическое и оперное искусство прошло невредимым сквозь все бури и потрясения. Несмотря на труднейшие условия, работали ученые. Знания и труд для них оказались основой для выживания.

В умирающей от голода молодой стране сотни людей работали над переводами. И страна получила именно в этот период такое знакомство с мировой литературой, какое не было доступно ни одному другому народу. Случилось так, что духовная пища английских и американских масс оказалась скуднее и низкопробнее, чем в Советской республике. Издание своеобразной русской энциклопедии всемирной литературы стало грандиозным по своему размаху литературным начинанием страны. Это немыслимое дело оказалось не по силам ни для просвещенной Англии, ни для богатой Америки того времени.

Интересный для нас, сегодняшних, вывод сделал в то время Г. Уэллс: коммунизм может быть огромной творческой силой. Лучшая часть российской интеллигенции во имя страны начинает сначала неохотно, зато честно сотрудничать с новой властью. А власть? Как она отнеслась к интеллигенции? Власть стала привлекать «спецов» и сотрудничать с той ее частью, которая идеологически соответствовала ее планам. Остальная, несогласная часть интеллигенции, была вынуждена эмигрировать или была отправлена в лагерь. Хотя и не вся сразу. Репрессивный период растянулся на долгие годы.

Сформировавшаяся в недрах нового строя новая историческая общность – советские люди – вывела страну из вселенской катастрофы. Но... в конце XX столетия

(трагического) произошел еще более мощный обвал. Мир потерял Великую державу, а ее граждане оказались перед вопросами: Кто виноват? И Что делать?

Какие же уроки можно сегодня извлечь из произошедших социальных катаклизмов? Разумеется, реставрация большевизма невозможна, да и не нужна. Но следует признать: пороки общественного строя, который лишает людей образования и превращает их в рабов денежного тельца, сам порождает «коммунистическое» движение всюду, где растут небольшие заводы и фабрики. Здесь появляется своеобразная социальная среда для революционных бурь. Разумеется, все ветви власти прежде всего должны позаботиться об экономическом благосостоянии народа. И здесь просто необходимо не на словах, а на деле дать приоритет развитию науки, культуры, образования, завоевать доверие народа и наладить сотрудничество с интеллигенцией, особенно с той ее частью, которая способна просвещать, учить истории и само правительство, и граждан страны.

В начале жестокого XX в. о высокой миссии интеллигенции в возрождении государства В.И. Вернадский заметил: «... перед ней стоит задача – народное образование. Ибо наше время – время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений, жестокости... Есть вместе с тем время сильного, искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встают перед людьми как противовес окружающим их страданиям и кровавым признакам...

Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах встали перед человечеством, выходят за пределы одного народа – это вопросы вечные»¹.

История XIX и XX вв. свидетельствует о том, что к проблемам интеллигенции общество обращается каждый раз, когда обостряются противоречия социального харак-

¹ Владимир Вернадский. Избранные труды. Воспоминания современников: суждения потомков (Открытия и судьбы). – М., 1993. – С. 254.

тера, когда нужно определить роль и меру ответственности каждого порядочного, образованного человека в создавшейся критической ситуации, когда надо выработать программу выхода из кризиса. Но потом опять парадокс истории: когда люди находят на какое-то время свой путь, они забывают о «прометеях» и «данко» – это в лучшем случае, в худшем – предают, уничтожают, чтобы не мешали...

Такое отношение к ученым имеет место до сих пор и потому, что значение самой науки в государстве не осознано до конца ни обществом, ни государственной властью. Хотя «государственное значение науки как творческой силы, как основного элемента, ничем не заменимого в создании народного богатства, как реальной возможности быстрого и массового его создания уже проникло в общее сознание; с этого пути, очевидно, человечество не сможет уже сойти, так как реально наука есть максимальная сила создания ноосферы».

И еще: «Наука не отвечает в своем современном социальном и государственном месте в жизни человечества тому значению, которое она имеет в ней уже сейчас реально. Это сказывается и на положении людей науки в обществе, в котором они живут, и в их влиянии на государственные мероприятия человечества, в их участии в государственной власти, а главным образом, в оценке господствующими группами и сознательными гражданами – «общественным мнением» страны – реальной силы науки и особого значения в жизни ее утверждений и достижений»¹.

Эти провидческие мысли отмечены в провидческом же труде В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», который был написан в 1937–1938 гг., то есть в самые трагические годы нашей истории, но опубликован он был только в 1991 г. Неиздание труда в трагические годы спасло жизнь ученому.

¹ *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. – М., 1991. – С. 84, 86.

Ф.Д. Ашнин
В.М. Алпатов

"ДЕЛО СЛАВИСТОВ"
30-е годы

"НАСЛЕДИЕ"

**«ДЕЛО СЛАВИСТОВ»,
или какое отношение имели
В.И. Вернадский и Ф.А. Фиельструп
к сфальсифицированному процессу**

Обычно в истории репрессий принято считать их «пиком» 1937–1938 гг. Однако все началось, причем с чудовищным размахом и в чудовищных же масштабах, гораздо раньше. Причем параллельно происходила фабрикация «Дел» отдельно по государственным служащим, деятелям искусства и литературы, отдельно – по деятелям науки и культуры.

Об одном из них – «Деле славистов», в котором погиб Ф.А. Фиельструп и по которому чуть было не «прошел» великий ученый XX в. В.И. Вернадский, и пойдет речь в предложенной работе.

Фабрикация дела, которое не сразу получит название дела «Российская национальная партия», началась осенью 1933 г. Первый арест произошел 4 сентября, постепенно в число подследственных входили все новые люди. К концу февраля «черта была подведена», самая последняя дата ареста среди названных в приговоре – 22 февраля.

Непосредственно по главному московскому делу проходили 34 человека. Параллельно сходные дела велись в Ленинграде, Харькове, Краснодаре, Смоленске, Ярославле.

Профессия и положение в обществе всех арестованных по делу были различны: рядом с учеными с мировыми именами можно было встретить скромных чертежниц и агрономов; родовых дворян и выходцев из рабочих и крестьян. И тем не менее все они в основном были выходцами из среды старой интеллигенции, получившей

высшее образование до революции. Немногие из попавших в их число молодых людей принадлежали к той же среде. Ни один из арестованных никогда не состоял в коммунистической партии. Двое из них в разное время были эсерами, кое-кто в прошлом склонялся к кадетам или октябристам, но большинство находились вне политики всегда, а к 1933–1934 гг. каждый из них занимался только своим профессиональным делом. К новой власти они были вполне лояльны, но в душе действия ее не всегда оправдывали, кое-кто проявлял даже оппозиционность¹.

Среди арестованных по «делу славистов» вначале не было людей с нерусскими фамилиями², – только русские, украинцы, белорус и чех. Впрочем, выделяются и два обрусевших немца, их подключение к делу давало возможность следствию подвести «Дело» к «германским нитям», «фашистскому заговору».

К «Делу» было привлечено много ленинградских и московских искусствоведов: Б.Г. Крыжановский – этнограф, заведующий украинским отделением Русского музея; известный искусствовед Н.П. Сычев. Реставратор и архитектор П.Д. Барановский также был подключен к делу «Российская национальная партия», хотя сам он считал, что пострадал в связи с защитой храма Василия Блаженного, который в то время собирались сносить. Эта версия подтвердилась и во время пересмотра дела в 1964 г. Однако, как пишут авторы «дела славистов»: «В дошедших материалах следствия о храме Василия Блаженного речи нет, а аресту П.Д. Барановского предшествовали показания на него арестованных ранее участников данного дела³.

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы». – М., 1994. – С. 6.

² Бернштейн С.В. Трагическая страница по истории славянской филологии // Советское славяноведение. – 1989. – № 1. – С. 80.

³ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 8.

«Показания», как правило, «добывались» во время проведения следствия. Методы следствия по «делу славистов» были типичными для первой половины 30-х годов. В эти годы избиения и другие способы прямого физического воздействия обычно не применялись. В секретно-политическом отделе ОГПУ работали «интеллектуалы», предпочитавшие использовать не физические, а психологические способы воздействия. Подследственных нередко лишали сна, в некоторых случаях отправляли в карцер. Допросы, как правило, проводились ночью.

Обычно на первом этапе следователь старался как можно сильнее запугать арестованного, сломить его волю. На человека, не спавшего несколько суток, обрушивались грубая брань, обвинения в самых страшных по меркам тех лет преступлениях вроде шпионажа или подготовки покушения на Сталина, угрозы расстрела и расправы с семьей и многое другое из арсенала психологического изуверства следователей. Когда же жертва окончательно была деморализована, тон допросов внезапно менялся, следователи начинали говорить мягко и даже задушевно. Подследственному предлагалось помочь государству и честно рассказать о своем участии в «контрреволюционной организации» и о своих сподвижниках. При этом постоянно напоминалось, что в случае «чистосердечного признания» можно рассчитывать на снисхождение, отказ же приводил к физическому уничтожению, то есть расстрелу как «врага народа». При этом подследственных знакомили с показаниями уже «признавшихся» и устраивали с теми очные ставки; использовалась и подсадка в камеру уже «сломившихся» или просто секретных агентов ОГПУ, которые также уговаривали признаться.

Иногда шел откровенный торг: одному из подследственных следователь предложил признаться и дать показания на коллег (уже, впрочем, арестованных) в обмен на исключение из дела упоминаний о его контактах с зарубежными учеными. При этом обещано было сокра-

щение срока заключения. Материалы дела свидетельствуют о том, что иногда обе стороны выполняли условия «договора»¹. Правда, такие случаи происходили крайне редко.

Часто допросы доводили подсудимых до неадекватного психологического состояния. Впоследствии некоторые из них вспоминали, что буквально сходили с ума, думали о самоубийстве, им казалось, что следователи их гипнотизируют. В такой ситуации хотелось одного, чтобы этот кошмар как можно скорее закончился. Подсудимые в таких случаях чаще всего подписывали самые нелепые «показания», предложенные им следователями.

В «обработке» молодых подсудимых использовался другой метод: в течение многочисленных ночных допросов следователь повторял одно и то же: «Все сознались, один ты упорствуешь. Значит, ты совершенно не умеешь оценивать ситуацию и не разбираешься в их политической сущности!». Заключенный начинал этому верить и думал о том, что «контрреволюционная организация» все-таки существовала, «как же я не понял этого раньше». «Я не контрреволюционер, это я знал. Но, может быть, это субъективно? А объективно мое поведение имеет контрреволюционный смысл?». Вот так добывали нужные «показания». Потом устраивались очные ставки. Но... ни одна из зафиксированных протоколами очных ставок не дала следствию желаемого результата: никто не признал себя виновным².

Как отмечают исследователи этой проблемы, авторы монографии «Дело славистов»: 30-е годы», большинство протоколов допросов стандартно: подсудимый сообщает довольно общие сведения о своем участии в «организации», указывает, кем и когда был «завербован», иногда пишет о том, кого «завербовал» сам, и перечисляет круг известных ему членов «организации», нередко

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 52-53.

² Там же. – С. 55.

и просто своих знакомых без какого-либо указания на их конкретное участие в «контрреволюционной деятельности». Как правило, в таких списках числились либо люди, уже арестованные по данному делу, либо те, кого в конце концов не стали по нему привлекать и большей частью никогда потом не репрессировали вообще¹.

В Ленинграде следствие шло примерно так же, как в Москве. Антрополог Г.А. Бонч-Осмоловский в «описании следствия» сообщает: «В сентябре 1933 г. я был вызван в Ленинградское ГПУ и дал там устно и в письменном виде подробные и совершенно искренние показания по поводу положения в этнографическом отделе Русского музея, в котором я служил до 1931 года. Через два месяца меня арестовали в очень тяжелых условиях (сильное переутомление и серьезное заболевание сына), несомненно, отразившихся на моем психическом состоянии. В суровых условиях одиночного заключения – без передач, прогулок, чтения – у меня начались сильные сердцебиения и полная бессонница... Суровый режим сопровождался крайне резким психологическим нажимом. О резкости нажима можно судить по тому, что двое арестованных по этому же делу умерли во время следствия: Фиельструп (Федор Артурович) – от разрыва сердца, Теплоухов покончил самоубийством. Следствие с самого начала взяло по отношению меня тон, как к несомненному врагу».

Никаких разговоров по существу происходящего не допускалось, и все вопросы сводились к требованию подписать заранее составленное следователем признание, называвшееся декларацией.

Усилиями набивших руку на подобных делах профессионалов из СПО ОГПУ и вынужденных им «помогать» несчастных подследственных никогда не существовавшая контрреволюционная организация «Российская национальная партия» обретала плоть и кровь. Зловещий

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 59-64.

смысл приобретали использованные следствием фрагменты реальности: действительно происходившие встречи и знакомства, естественные для тех лет кулуарные обсуждения о «потере интеллигенцией удельного веса в общественной жизни страны» и бытовых тяготах, тяготение кое-кого из арестованных к евразийству. И выстраивался внешне стройный ряд «доказательств», где, однако, слишком явно не хватало многих фактов. Для большинства подследственных в деле действительно, как заметил Г.А. Бонч-Осмоловский, «не ставился вопрос о реальных преступных действиях». Никому из славистов и не приписывалось ничего сколько-нибудь конкретного, кроме встреч, разговоров и иногда чтения сочинений Н.С. Трубецкого*. Какие-либо связи с заготовленной «террористической группой партии» им даже и не вменялись. Но это никого не смущало, а признаний, данных измотанными издевательскими допросами подследственными, было вполне достаточно.

В самом начале фабрикации дела «Российская национальная партия», в сентябре 1933 г., арестованных в Ленинграде – В.В. Дроздовского, Н.П. Сычева, Ф.В. Ховайко, В.Г. Шийко и арестованного в Смоленске ленинградца Б.Г. Крыжановского отправили в Москву. Очевидно, соответствующие органы решили создать одно дело – в Москве. Но, когда арестованных в Ленинграде оказалось 37 человек, и вначале даже больше, чем в Москве, решено было выделить отдельное ленинградское дело за № П–30695, но со статьей по принадлежности к одной и той же «Российской национальной партии».

Мало того, среди привлеченных по ленинградской группе филологов-славистов и русистов были только В.Н. Кораблев, К.А. Копержинский, С.А. Щеглова, А.Б. Никольская. К ним с оговорками можно было

* Н.С. Трубецкой – лингвист, философ, публицист, последователь «евразийства».

отнести и Р.Ф. Куллэ. В этой группе почти нет любителей искусства, имеются химики и геологи, которых тут же причислили к террористам, но больше всего оказалось этнографов и профессиональных искусствоведов.

В ленинградском деле главный упор обвинений был направлен на историков, археологов, этнографов, культурологов, особенно имеющих фамилии, близкие к немецким, или имеющие какое-то отношение к Германии.

В деле литературоведа Р.Ф. Куллэ обнаружено было следующее обвинение: «Являлся связующим звеном между германским генеральным консулом в Ленинграде и фашистской организацией»¹. Нетрудно было следственным органам обвинить Р.Ф. Куллэ в связях с фашистской организацией: как германский подданный, еще в годы Первой мировой войны он оказался сосланным в Ташкент. В 1932 г. в связи с введением паспортной системы от него потребовали принять гражданство СССР. За соответствующими документами Р.Ф. Куллэ вынужден был обратиться в консульство Германии в Ленинграде. Процедура оформления документов затянулась на целый год. Ученый был уволен с работы, его перестали печатать, семья бедствовала, консульство приходилось посещать несколько раз и беседовать с разными его сотрудниками. Нельзя забывать о том, что в это время в Германии к власти приходят нацисты.

В 1933 г. Р.Ф. Куллэ получает наконец-то советское гражданство, устраивается на работу в Институт востоковедения. Однако встречи с сотрудниками германского консульства сыграли свою роковую роль в его «деле». Ученый был арестован 5 января 1934 г., осужден и погиб впоследствии в лагерях. Дело Р.Ф. Куллэ, обвиненного в «связях с фашистами», было одним из «показательных» в ряду подобных сфабрикованных дел по «Делу славистов».

Наибольшее число пострадавших по делу пришлось на два крупнейших ленинградских музея: Русский музей

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 36.

и Эрмитаж. Русский музей тогда состоял из двух отделов: художественного и этнографического, позднее каждый из них выделился в особый музей. В художественном отделе работал Н.П. Сычев, в этнографическом – Б.Г. Крыжановский. Они были арестованы как «слависты», а вслед за ними начались аресты их коллег.

Ф.А. Фиельструп работал в это время старшим научным сотрудником Русского музея и, естественно, не только общался, но и сотрудничал с крупнейшим этнографом, заведующим украинским отделением Русского музея Б.Г. Крыжановским. И это сотрудничество послужило одним из поводов для ареста Федора Артуровича.

Во время следствия был использован факт пребывания Ф.А. Фиельструпа в экспедиции в Сибири в годы Гражданской войны. Ученый был обвинен в сотрудничестве с Колчаком. Немалую роль, наверное, в аресте сыграло и его рождение в семье инженера-электрика Артура Фредерика Фиельструпа, российского подданного, но датчанина по происхождению. И его, как считали следователи, вполне можно было «обвинить» еще и в связях с фашистской Германией.

Во всяком случае, ни фамилия, ни его происхождение, ни его научная деятельность в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии никак не соотносились с самой идеей «Российской национальной партии» и тем более с «делом славистов».

В ленинградском деле отмечается около десяти петербуржцев немецкого происхождения, в Москве их было двое. Видно, сверху было спущено указание отыскать связи с «фашистской партией», с готовящейся к войне Германией. Впрочем, среди лиц с немецкими фамилиями были и православные – В.В. Сегеркранц. Э.И. Миндрос назвал себя финном, хотя фамилия его шведская. Е.К. Мроз, урожденная Модель, была крещенной еврейкой¹.

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 38.

Этнографическим отделом Русского музея, где работал Ф.А. Фиельструп, заведовал крупнейший этнограф Д.А. Золотарев. Человек в высшей степени порядочный, преданный науке, много сделавший для воспитания молодых этнографов и антропологов и вполне лояльно относившийся к Советской власти. Его деятельность в Русском музее была прекращена еще в 1930 г., когда он был арестован и осужден на три года по той самой антисоветской статье 58–11. Вернувшись досрочно в Ленинград, Д.А. Золотарев устроился на работу в Географический музей. Но... 29 ноября 1933 г., то есть через три дня после ареста Ф.А. Фиельструпа, Д.А. Золотарев был арестован вторично. Его обвинили в «связях с закордоном», в том числе с «членом «стального шлема» – германским ученым Финдейзенем»¹.

По этой же статье был привлечен к ответственности виднейший кавказовед – этнограф и археолог, руководитель многих экспедиций А.А. Миллер. В 1917–1921 гг. он являлся директором Русского музея, а затем заведующим его этнографического отдела. От А.А. Миллера «принял» отдел этнографии впоследствии Д.А. Золотарев. А.А. Миллер был арестован одним из первых, 9 сентября 1933 г. Его обвинение формулировалось следующим образом: «Систематически выезжал по заданию центра организации на Северный Кавказ для сбора необходимых организации сведений о политических настроениях крестьянства национальных народов и для ведения фашистской агитации и пропаганды среди них, <...> установил во время заграничных командировок личные связи в контрреволюционных целях в рядах белоэмигрантских деятелей, в том числе с крупным сотрудником контрразведки Минорским*, и информировал последних о внутривнутриполитическом положении на Северном Кавказе»².

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 39.

* В.Ф. Минорский – выдающийся востоковед, эмигрировал за пределы СССР.

² Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 39.

Другой подследственный С.А. Теплоухов еще в годы Гражданской войны вместе с Ф.А. Фиельstrupом работал в Сибири. Сначала он учился, а затем и работал в Ленинградском университете до тех пор, пока в нем действовали этнографические курсы. Затем перешел на работу в ГАИМК и Русский музей. Однако история народов Сибири оставалась главным объектом его научных интересов. Особенно много С.А. Теплоухов работал над историей одного из сибирских народов – хакасов. Он, как и Ф.А. Фиельstrup, был арестован 26 ноября 1933 г. и так же, как Федор Артурович, не дожив до суда, погиб во время следствия, не выдержав психологического давления, которому подвергались все подследственные во время допросов.

Все арестованные по «ленинградскому делу» «Российской национальной партии», а их список состоял из 37 человек, были осуждены на разные сроки заключения, кроме погибших до суда Ф.А. Фиельstrupа и С.А. Теплоухова.

Осужденные Особым совещанием при коллегии ОГПУ 29 марта 1934 г. к заключению в лагере на 10 и 5 лет и совещанием от 2 апреля 1934 г. к заключению в лагере на 3 года и к ссылке были реабилитированы только 28 ноября 1956 г. Дело С.А. Теплоухова 15 марта 1934 г. было прекращено с формулировкой: «за смертью». А 27 мая 1958 г. формулировка была изменена на «за отсутствием состава преступления».

«Фиельstrup Федор Артурович... умер от несчастного случая в доме предварительного заключения в Ленинграде 7 декабря 1933 г., дело прекращено за смертью, 28 мая 1958 г. формулировка изменена на «за отсутствием состава преступления»¹.

В книге «Дело славистов»: 30-е годы» Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов, ссылаясь на следственное дело, сообщают о том, что Ф.А. Фиельstrup умер 7 декабря 1933 г. мучительной смертью: не предупрежденный охраной, выпил

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 206.

крутого кипятку, «обжег ротовую полость и гортань» и в шоковом состоянии задохнулся. Виновного в смерти подследственного не оказалось, но акт о вскрытии в деле есть. Формальность соблюдена. И все-таки, что это: несчастный случай по халатности охранников или также самоубийство¹, – задаются вопросом авторы.

После изучения событий, происходивших в это время в преддверии 1937 г., наверное, можно предположить и другое: а не была ли эта кружка с кипятком подана измученному психологически Федору Артуровичу сознательно, с расчетом на то, что подследственный, доведенный до отчаяния допросами, сам прекратит свои мучения... даже таким мучительным способом.

Имел ли Федор Артурович Фиельструп – датчанин по происхождению – какое-либо отношение к делу «славистов»? Если посмотреть на круг его научных интересов, то они, скорее, связаны с тюркологией, нежели со славистикой.

В Большой советской энциклопедии обозначено: «Славистика – система научных знаний о славянах, их языке, литературе, фольклоре, истории, материальной и духовной культуре»². Следовательно, многие из привлеченных не имели никакого отношения к славистике вообще.

Следует заметить, что аналогичным образом в те же 30-е гг. и позднее, после Второй мировой войны, многие видные тюркологи были обвинены в «пантюркизме». Причем ученым также предъявлялись самые немыслимые обвинения в измене, участии в шпионской деятельности, разжигании межнациональной розни. Так, в обвинительном заключении по делу крупнейшего отечественного тюрколога директора Института востоковедения АН СССР в 1934–1937 гг. А.Н. Самойловича замечено: «Самойлович, работая над изучением тюрк-

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 86

² Большая советская энциклопедия. – М., 1976. – Изд. III. – Т. 23. – С. 542.

ских языков, под влиянием пантюркистов Радлова и других развивал идеи пантюркизма...»¹. Авторы книги «Репрессированная тюркология» делают вывод о том, что академик В.В. Радлов, учитель А.Н. Самойловича, не мог быть «пантюркистом» хотя бы потому, «что был немцем по происхождению»².

Думается, что немецкое происхождение В.В. Радлова не спасло бы его от ареста, если бы он был жив в это время, как не спасло Ф.Ф. Фиельструпа его датское происхождение от обвинения в принадлежности к «Российской национальной партии», именуемой «делом славистов».

Нередко бывало, что целая научная школа, созданная тем или иным академиком, уничтожалась, хотя его самого «не трогали»: так случилось с Ф.И. Щербацким, П.К. Коковцевым, отчасти была уничтожена школа В.М. Алексева.

Арест академика, как следует из материалов «дела славистов», требовал личного согласования с самим Сталиным, в то же время для ареста члена-корреспондента академии такая процедура уже не требовалась. Нередко вождь народов не давал санкцию на арест, считая того или иного ученого нужным для государства; по видимому, по этой причине не были арестованы по «делу славистов» академики В.И. Вернадский и Н.С. Курнаков, хотя следственные дела на них были уже заведены.

Но, тем не менее, угодливые режиму следователи старались добыть любым способом свидетельства, доказывающие причастность к делу таких крупных ученых, как В.И. Вернадский. «Добывались» они особенно тщательно и изощренно.

Например, в вину ученого Р.Р. Фасмера – заведующего нумизматическим отделом Эрмитажа, крупнейшего

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М., 2002. – С. 12.

² Там же. – С. 13.

в стране специалиста по восточным монетам, члена шведской археологической академии ставились реальные факты, по обыкновению препарированные следствием в нужном духе. Один из них заключался в том, что М. Фасмер передавал деньги для сына через посетившего Германию академика В.И. Вернадского. Фасмер рассказал о том, что в 1929 г. после возвращения в Ленинград академик, ранее с ним не знакомый, позвонил ему и попросил зайти домой. После этого на протяжении двух лет, до следующего отъезда В.И. Вернадского за границу, Р.Р. Фасмер заходил регулярно, один раз в два месяца, и получал от академика или от его жены по сто рублей. Позднее, уже на этапе к месту заключения, Р.Р. Фасмер рассказал своему «однодельцу» Б.Л. Личкову, что между ним и В.И. Вернадским была договоренность: Вернадский помогал семье Фасмера, живущей за границей, а его сын пересылал деньги дочери Вернадского, жившей в Праге... Но следствием эти действия интерпретировались как передача денег для «организации», а беседы В.И. Вернадского с Р.Р. Фасмером – как «передача заданий». Таким образом, на знаменитого ученого фабриковалось дело как на одного из «руководителей» «Российской национальной партии»¹.

«Одноделец» Р.Р. Фасмера – известный геолог, гидролог и геохимик Б.Л. Личков – перед арестом работал заведующим отделом подземных вод гидрологического института в Ленинграде и профессором ЛГУ. С академиком В.И. Вернадским познакомился и подружился, несмотря на двадцатипятилетнюю разницу в возрасте, еще в декабре 1917 г. в Киеве. С 1927 г. они вместе работали в Комиссии по изучению естественных производительных сил страны, частью которой был Сапропелевый комитет. «Сапропелевая проблема» имела крупное не только хозяйственное (илистые отложения пресных водоемов,

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов» – С. 42.

содержащие большое количество органических веществ, применяются как удобрение), но и оборонное значение для страны. В этом комитете В.И. Вернадский был председателем, Б.Л. Личков – ученым секретарем. Впоследствии в течение многих лет они вели между собой интенсивную и очень интересную научную переписку.

Арест именно Б.Л. Личкова планировал провоцирование впоследствии ареста самого академика, который не только в ленинградском, но и в московском «деле» уже «фигурировал» как один из руководителей «Российской национальной партии». Сам В.И. Вернадский в это время находился в научной командировке за границей и был недоступен для ареста.

Б.Л. Личкова как близкого к академику человека заставляли «показать» на В.И. Вернадского, якобы завербовавшего его в «организацию», еще в 1929 г. Конкретных данных на ученого Б.Л. Личков не дал, но, очевидно, растерявшись или от отчаяния во время следствия совершил явно необдуманый поступок: передал через освободившегося из заключения соседа по камере – скорее всего, это была «подсадная утка» – кусок деревянной ложки, на которой выцарапал уменьшительные имена своих дочерей, известные лишь ему и жене, и слово «привет»... Жена, получив из рук посланного этот «привет», очевидно, решила довериться и сделать то, о чем должен был попросить ее пославший: передать великому ученому предостережение об опасности, подстерегающей его в случае возвращения в СССР. Предупреждение должно было идти по цепочке через жену Б.Л. Личкова и знакомого с ней заместителя по Радиевому институту академика В.Г. Хлопина, имевшего возможность связаться с Владимиром Ивановичем за границей. Но, как и следовало ожидать, цепочка оборвалась на первом же этапе: наутро – 10 марта 1934 г. – следствие уже торжествовало успех. «Подсадная утка» послушно передала «кому следует» послание Бориса Леонидовича для любимого учителя. Как разворачивались дальнейшие события,

нетрудно представить себе: из камеры срочно вызывается на допрос «провинившийся» подследственный Б.Л. Личков и ему предъявляется вещественное доказательство «контрреволюционных намерений связаться с оставшимися на воле членами организации»¹.

Следователь А.В. Бузников продиктовал своему помощнику от имени Б.Л. Личкова прошение в коллегию ОГПУ:

«Искренне раскаиваюсь в содеянном мною преступлении против Советского государства, прошу дать мне возможность честной работой в любых условиях загладить тот вред, который я принес государству как член контрреволюционной фашистской организации и активный исполнитель ее поручений и заданий. Сознавая всю тяжесть моего преступления, прошу коллегию ОГПУ, при вынесении мне приговора, учесть мою способность быть полезным государству, сочетаемую с искренним раскаянием в своей прошлой вредительской деятельности. Проф. Б. Личков. 10.III.1934».

На следующий день следователь учинил еще один допрос Личкова с целью выяснить: что же за поручение дал он выходявшему на свободу сокамернику? Профессор ответил с достоинством и завидной честностью: «Данное мною в камере ДПЗ поручение преследовало цель обезопасить находящегося в заграничной командировке <...> акад. В.И. Вернадского от ареста, для чего необходимо было поставить в известность последнего о происшедших в Ленинграде арестах членов нашей организации и нежелательности возвращения его в СССР при сложившихся обстоятельствах». А свою «попытку связаться с руководителем организации В.И. Вернадским нелегально с целью лишить следствие возможности допроса (!) последнего по делу» подследственный признал и оценивает ее как контрреволюционный акт.

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 49.

Далее следователь «выжимает» из своей жертвы еще признание: «Контрреволюционность моего поступка усугубляется также и тем, что я, настаивая на необходимости остаться Вернадскому, я понуждал последнего к невозвращению и тем самым лишал Советский Союз одного из самых крупных ученых в мире. Признавая свой поступок актом, свидетельствующим о продолжении мною контрреволюционной борьбы в условиях следствия, я прошу также учесть, что мною руководили также чисто человеческие побуждения, поскольку мне известно из заключения врачей, что Вернадский, которому 72 года, страдает серьезными болезнями и нуждается в полном покое»¹.

Вряд ли кто-то из следователей был озабочен физическим состоянием великого ученого, основателя геохимии, радиогеологии, историка и теоретика науки мирового значения. И в дальнейшие годы они продолжали с прежним усердием искать доказательства «вины» В.И. Вернадского перед властью.

Примерно таким же образом «выбивались» показания и на других академиков. Но... все-таки три академика: Н.С. Курнаков, Н.С. Державин, В.И. Вернадский так и не были арестованы. Очевидно, руководство ОГПУ само или по согласованию с высшей властью решило не предпринимать нового разгрома Академии наук, сравнимого с «делом академиков» 1929–1930 гг. К этому времени готовился переезд Академии в Москву, после которого Академии и академикам власти начали вновь оказывать повышенное внимание. Особенно это относилось к естественным наукам, очень необходимым для индустриализации страны. Могла сыграть свою роль и международная известность многих академиков.

А между тем наступление на науку и культуру продолжалось. Еще до отъезда в заграничную командировку в один из дней 1933 г., когда в Академии наук

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 51.

был создан партком, в обязанности которого входила борьба за «чистоту рядов» ученых, В.И. Вернадский встретился с известным востоковедом, академиком И.Ю. Крачковским. После долгой беседы Владимир Иванович записал в дневнике: «Крачковский нарисовал картину полного разгрома ориенталистики. Уже русская ориенталистика – провинция. Потеряли то значение, которое имели. Идут на смену совсем ничтожные, невежественные, но этого не понимающие болтуны и дельцы. Умеют критиковать – делать сыск, но не положительно научно работать»¹.

И действительно: величайшее из достижений российской исторической науки – востоковедение – первым потерпело огромный урон: начались гонения на «националистов», «пантюркистов» и т.д. За ними последовал ряд других наук. А две книги В.И. Вернадского «Живое вещество» и «Биосфера» были изъяты из издательства, как не соответствующие требованиям времени...

За день до вынесения приговора Б.Л. Личкову появилось следующее «Постановление»:

«1934 года, марта 28 дня я, уполномоченный 2 отделения СПО ОГПУ Иоселевич, рассмотрев сего числа следственное дело за НР 2554 по обвинению Дурново Н., Дурново А., Ильинского Г. и других в принадлежности к контрреволюционной организации «Российская национальная партия» и принимая во внимание, что в отношении:

- 1. Грушевского М.С.*
- 2. Сперанского М.Н.*
- 3. Курнакова Н.С.*
- 4. Вернадского В.И.*

необходимо дополнительное расследование и уточнение имеющихся материалов, а посему ПОСТАНОВИЛ:

¹ Владимир Вернадский. Избранные труды... (Открытия и судьбы). – С. 228.

имеющиеся материалы в отношении перечисленных выше лиц выделить в отдельное производство...»¹.

Однотипные документы имеются и в ленинградском деле. В этом списке – знаменитые химики Н.Д. Зелинский и В.П. Виноградов, являющимся вице-президентом АН СССР в 1967–1975 гг. Оба они – ученики В.И. Вернадского. Часть его совпадает с именами, указанными в московском списке: В.И. Вернадский, Н.С. Курнаков, В.Н. Перетц, Н.С. Державин.

В конце марта 1934 г. следствие было закончено и подготовлено «Обвинительное заключение по спец. делу № 2554». В нем указано, что «проведенным по делу следствием установлено, что в Москве, Ленинграде, на Украине, в АЧК (Азово-Черноморский край, соответствует нынешним Краснодарскому краю и Ростовской области), в Белоруссии, в Западной области (соответствует Смоленской, Брянской, части Псковской и Калужской областей) и Ивановской области существовала разветвленная контрреволюционная национал-фашистская организация, именовавшаяся «Российская национальная партия», ставившая своей целью свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры...».

Оформление организации было отнесено к первой половине 1930 г., после возвращения из-за границы и переезда в Москву профессора Дурново Николая Николаевича². К этому времени отнесено и принятие организацией названия «Российская национальная партия»...

Делами «Российской национальной партии» якобы руководил политический центр, в составе которого следствие «выявило» академиков Н.С. Державина, М.С. Грушев-

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 78–79.

² Дурново Николай Николаевич, арестован 28.12.33 г., осужден на 5 лет, находился в Соловецких лагерях, затем в САВЛаге, там повторно осужден и расстрелян 05.01.38 г.

ского, В.И. Вернадского¹, Н.С. Курнакова, В.Н. Перетца, М.Н. Сперанского, профессора Н.Н. Дурново, профессора-лингвиста Г.А. Ильинского, В.Н. Кораблева.

Итак, согласно обвинительному заключению, академик В.И. Вернадский «оказался» одним из руководителей политического центра «Российской национальной партии».

Далее следствие утверждает, что якобы вокруг каждого члена центра группировались активные члены организации, которые занимались подбором кадров для нее и возглавляли отдельные ячейки.

По заключению следствия, в основу программных установок якобы были положены идеи, «выдвинутые лидером фашистского движения за границей – князем Н.С. Трубецким².

Сущность этих идей следствием была сведена к следующему:

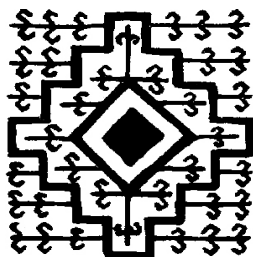
- примат нации над классом. Свержение диктатуры пролетариата и установление национального правительства;
- истинный национализм, а отсюда борьба за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа;
- сохранение религии как силы, способствующей подъему русского национального духа;
- превосходство «славянской расы», а отсюда – пропаганда исключительного исторического будущего славян как единого народа.

¹ По поводу В.И. Вернадского замечено, что он бывший член ЦК кадетской партии, сын его – видный деятель евразийского движения за кордоном, проживает в Ленинграде.

² Трубецкой Николай Сергеевич – русский языковед. Один из теоретиков Пражского лингвистического кружка, исследователь истории славянских языков. Его теория сложилась под влиянием идей И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра. Сформулировал принципы и задачи морфологии. Сын С.Н. Трубецкого. Погиб 25.6.1938 г.

Знал ли В.И. Вернадский об этой «сущности» обвинений? Вот в чем вопрос, на который до сих пор нет ответа. Членам «Российской национальной партии» предъявлялось еще и намерение проведения значительных вредных мероприятий:

- срыв разработки сапропелевой проблемы;
- срыв работ в Академии наук по отравляющим веществам;
- срыв работ по получению изоляционного вещества. В разработке этих работ были особенно заинтересованы слоботочная промышленность и Военвед.
- От подобных обвинений невозможно было бы защититься даже академикам.

В творческом искании правды личностью

В.И. Вернадский

Этот вердикт наряду с «научным исканием, научной работой, свободной научной мыслью» занимал первое место в жизни Владимира Ивановича Вернадского¹.

В.И. Вернадский (1863–1945) – основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, создатель учения о биосфере, ее эволюции и преобразовании в ноосферу – сферу разума. Он известен не только как теоретик, мыслитель, философ, историк науки, но и как

практик в широком смысле этого слова. Всю свою жизнь он был человеком действия, организатором небывалых до того экспедиций, создателем огромного числа лабораторий, научных обществ, многие из которых выросли впоследствии в академические институты.

Сегодня не только друзья, ученики, просто знакомые, но и многие из наших современников, кто хотя бы немного соприкоснулся с историей самой жизни этой Личности, сходятся в одном: Природа подарила человечеству редчайшего ученого, оказавшего решающее влияние на духовно-культурную эволюцию на планете Земля.

«Творческое искание правды личностью»... составляло как бы концептуальный каркас всего его творчества, воз-

¹ См.: *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. – М., 1989. – С. 470.

нося личность над всеми достижениями. И было ясно, что все остальное было связано с этой личностью – и наука, и нравственные моменты, и те явления, которые дополняли научное познание мира»¹, – считает Л.В. Шапошникова – удивительный Человек, посвятивший всю свою творческую жизнь также «творческому исканию правды личностью».

Внешний облик В.И. Вернадского не отличался особой примечательностью. Хотя, как заметил академик Д.В. Наливкин: «Высокая, стройная, немного сутуловатая фигура, быстрые, но спокойные движения запоминались сразу, над всем безраздельно царила голова. Узкое, точное лицо, высокий выпуклый лоб ученого, темные волосы с сединой, каскадами поднимавшиеся над ним, поражали и удивляли. Но и они были только фоном для глаз, необычайно чистых, ясных и глубоких. Казалось, что в них светился весь облик, вся душа этого необыкновенного человека. Впечатление еще более усиливалось, когда Владимир Иванович начинал говорить. Его голос был такой же, как глаза, – спокойный, ясный, приятный и мягкий, глубоко уходящий в душу <...>. Поразительно глубокий и всеобъемлющий ум, исключительная духовная чистота сливались в нем в единое целое, гармоничное и стройное. Таких ученых всегда было мало, мало их и сейчас»².

Творческая жизнь В.И. Вернадского сложилась именно так, как и должна была сложиться: в трудах, исканиях, борениях и не только за научные концепции, но гораздо больше за «искание правды личностью».

Родился Владимир Иванович Вернадский 12 марта 1863 г. в Петербурге в семье профессора политической экономии и статистики, преподававшего в Александровском лицее. Через пять лет семья переехала в Харьков, о котором

¹ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Книга третья. Вселенная мастера. – М., 2005. – С. 270–271.

² Цит. по: Владимир Вернадский: Избранные труды (Открытия и судьбы). – С. 591

сохранились самые теплые воспоминания. Двоюродный дядя Евграф Максимович Короленко¹ нередко гулял с юным Владимиром вечерами перед сном и много интересного рассказывал о Космосе. «В моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них», – вспоминал впоследствии ученый².

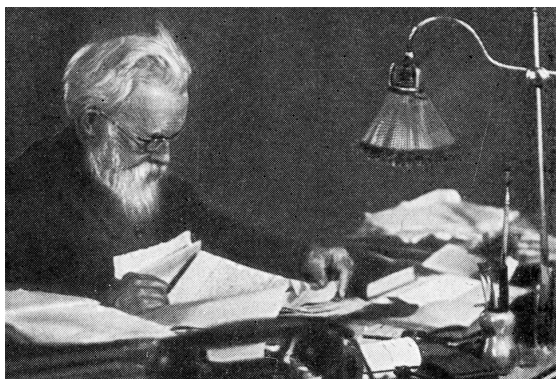
В десятилетнем возрасте он с родителями побывал в Вене, Венеции, Праге, Дрездене и увидел другой мир, красоту старой Европы, разноязычие людей. Несколько позднее В.И. Вернадский сделал вывод о том, что «только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные – только тогда приобретаются необходимый кругозор, глубина ума, знание, каких не найдешь в книгах. Я хочу подняться и вверх, в атмосферу. И так будет <...>. Но в том знании, какое вынесу, – сила, и за нее не дорого дать все состояние. И время, что я употреблю на такое самообразование, не пропало, я возвращу его сторицею на работы на пользу человека»³.

После окончания Петербургского университета, в котором учился на естественном отделении физико-математического факультета, он был оставлен работать в нем же. В начале 1900-х годов молодой ученый Владимир Вернадский побывал во Флоренции, Риме, Неаполе, затем в Греции. И всюду он видел руины удивительной древней культуры. Все увиденное наталкивало на размышления об историческом процессе и его закономерностях,

¹ Е.М. Короленко – родственник известного писателя Владимира Галактионовича Короленко.

² Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М., 1981. – С. 18–19.

³ Там же. – С. 43.

о законах человеческого творчества: «в общем, они всюду одни [и те] же – в религии, науке, искусстве. Быстрое достижение предела – а затем такая же возможность быстрого упадка...».

В.И. Вернадский изучал мир не только как ученый-естественник, но и как философ, черпающий мысли и идеи не только из книг. Он реально «видел» их в движении жизни или, как он считал сам, – из мечтаний.

Надо сказать, что В.И. Вернадский был всегда в гуще общественной жизни. Его больше беспокоило не свое личное положение, а то, что происходит в стране. В юности он принимал участие в работе студенческих народнических кружков вместе с Александром Ульяновым, братом В.И. Ленина. И уже тогда понял, что «...возможность зла и отсутствие защиты от зла и составляет главную ошибочную сторону ложного государственного устройства»¹.

Один из эпизодов его научного беспокойства свидетельствует: летом 1908 г. ученый К.А. Ненадкевич был направлен в Среднюю Азию для предварительных исследований месторождения радиоактивных минералов. Среди большого количества образцов, им привезенных, обнаружались ранее совершенно неизвестные: туранит и алант... По настоянию В.И. Вернадского наконец-то была создана специальная радиевая комиссия. В ее состав вошли Карпинский, Бекетов, Голицын, Чернышев, Рыкачев, Вальден и Вернадский.

¹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – С. 142.

Из-за почти полного отсутствия средств в 1910 г. в Фергану снова все-таки был командирован Ненадкевич. Он с бесплатным билетом первого класса – помогли друзья-сочувствующие – благополучно добрался до места назначения. Но... обратно Константин Антонович возвращался за свой счет в вагоне третьего класса. Он вез подтверждающие образцы радиевых минералов и уверенность в том, что в Ферганской области, кроме Тюя-Муюнского рудника, который он уже обследовал, будут открыты десятки новых.

А В.И. Вернадский в том же году, по существующему старому обычаю, произнес речь на торжественном годовом общем собрании Академии наук. Темой он избрал «Задачи дня в области радия». Ученый заметил, что атом становится для нас такою же реальностью, как химический элемент: он одевается плотью и кровью – становится реальным телом. Перечислил он и те возможности, которые несет радиоактивное излучение людям как новый источник химической и тепловой энергии и его значение в истории человечества.

Речь академика была встречена не слишком громкими аплодисментами, особенно та ее часть, где говорилось о том, что изучение радиевых месторождений должно производиться русскими учеными и не должно откладываться из-за отсутствия средств.

В 1911 г. Академия наук получила по две тысячи рублей от министерства торговли и министерства просвещения и десять от Совета министров. На эти, в сущности, скудные средства в том же году В.И. Вернадский организовал первые российские радиевые экспедиции в Забайкалье, Закавказье, на Урал и в Фергану.

В экспедиции, кроме самого Владимира Ивановича, приняли участие ученые Самойлов, Ненадкевич, Касперович, Ревуцкая, а также студенты Московского университета В.В. Критский и Н.М. Федоровский.

«Страницы автобиографии В.И. Вернадского», опубликованные в 1981 г., свидетельствуют о том, что Кавказская

Климатический отчет.

§ 234. Состояние воды в бассейне р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна, что привело к значительному уменьшению урожая в бассейне. Вода в р. Сухомышской, а также в р. Сухомышской, в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

Материалы, собранные в бассейне р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

О состоянии р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

Исследования в бассейне р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

§ 235. О состоянии воды в бассейне р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

Состояние воды в бассейне р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

1880... 1880. (17.6 C. в. C. 14.)

1885... 225.6 (32.7)

1890... 267.5 (39.5)

- Три года. Материалы. Материалы. Материалы.

1903 - 330.5 (47.5)

1905 - 318.9 (45.8)

1910 - 377.5 (53.1)

1913 - 1002.3 (143.1) - C. 138.

Воды в бассейне р. Сухомышской в период с 1887 по 1894 год. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна. По количеству воды в бассейне (1887) года вода в р. Сухомышской была в значительной степени недостаточна.

экспедиция «в смысле находок радиевых месторождений» ничего пока не дала. Но по поводу научной стратегии В.И. Вернадский пишет: «Передо мной стал теперь план работы: искать ли только Ra – минералы и бросать сейчас же, раз их не нашли, или указывать, что мы нашли вместо указанного в литературе. Первый способ дешевле, но зато бесплоден, второй дороже, но научно полезен. Я остановился на втором...»¹.

Владимир Иванович размышлял о необходимости исследования всех неисследованных мест, «обещающих» иметь запасы полезных ископаемых. В письме супруге Наталье Егоровне 9 мая 1911 г. он пишет: «... Самарканд мы видели мельком... Развалины бывшего величия в грязном и вонючем сартском городе производят сильное впечатление. Мы под вечер выехали на гробницу Тамерлана и затем были на площади Регистана. Всюду разрушения – бывшими здесь землетрясениями, – но всюду видишь впечатление не роскоши, а великого художественного гения. На меня очень сильное впечатление произвел Регистан, площадь, с трех сторон окруженная великолепными полуразвалившимися, но еще живыми мечетями. При всем ее своеобразии она напоминала мне знаменитую площадь [Св. Марка] Венеции с Дворцом дождей»².

... Из Коканда 18 мая 1911 г. В.И. Вернадский снова пишет жене: «... Пять дней мы провели на руднике Тюя-Муюн, в предгории Алайских гор, одни...

Посещение рудника мне дало очень много – но это было совсем не то, что я ожидал. И ничего подобного я раньше не видел... Все мои первоначальные предположения разлетелись при взгляде на природное явление, и я понял К.А. [Ненадкевич], правильно определившего явление, но не смогшего дать ему место в схеме известного...

¹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – С. 246.

² Там же.

Мы собрали большой материал, у меня намечаются планы дальнейшего исследования: необходимо исследование пещер, их радиоактивности, их минералов...

Завтра еду на два дня в окрестности на залежи серы; хочу еще осмотреть месторождения меди на Сыр-Дарье, остановлюсь в Ташкенте и затем еду на Урал»¹.

Очень интересно письмо Владимира Ивановича, написанное 21 мая 1911 г. из Коканда:

«... Ферганская экскурсия кончается, и я скоро направлюсь на Урал. Вчера вернулся сюда из поездки на серу в Камышлы-Баш. Сегодня днем еду в последнюю экскурсию – на месторождения самородной меди на Сыр-Дарье. Оттуда завтра в ночь выезжаю в Ташкент, где пробуду один день и затем направлюсь на Урал...

Эти поездки на серу и медь я делаю вне радиевых изысканий попутно. Я считаю себя обязанным быть хорошо осведомленным в области минералогии России, не только в ее чисто научном значении, но и прикладном. Поэтому я стараюсь видеть главные типы рудных и полезных ископаемых России, получить в этом отношении определенную картину.

С другой стороны, в качестве академика, изменяю и другую сторону своей поездки – стараюсь всюду завязывать связи с целым рядом лиц на местах, интеллигентных и полуинтеллигентных, и интересующихся практически или научно минералами для того, чтобы от них получить в Академию материал. В этом отношении и здесь завязываю кое-какие связи...»².

Через пару дней из Ташкента В.И. Вернадский, окрыленный открытиями, сделанными в Средней Азии, снова пишет жене: «... Теперь, подводя итоги поездки сюда, я вижу, сколько я вынес из нее, но больше и резче всего выступает передо мной огромная область работы, которая из нее вытекает.

¹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – С. 247.

² Там же. – С. 246–247.

И как-то не знаю, не поздно ли несколько я начинаю это большое дело?..»¹.

Большой ученый, историк науки беспокоится, что все еще мало сделал, обнаруживая все новые и новые направления. А главное: не поздно ли? Успеет ли до конца довести хотя бы что-то из задуманного?

Всех окружающих современников Владимира Ивановича потрясала его способность переходить от наблюдений и эксперимента к неожиданным обобщениям.

Далеко от благоприятной можно было назвать обстановку, которая сложилась перед поездкой В.И. Вернадского в Среднюю Азию. Весной 1911 г. среди студенчества Московского университета резко поднялось революционное настроение, начались сходки, на которых студенты во весь голос говорили о политике. Правительство быстро отреагировало, запретив студенческие собрания. Ректор университета А.А. Мануйлов вместе со своим заместителем и проректором подали в отставку в знак протеста против этого решения... Все трое были отстранены от преподавания как лица, не проявившие «достаточной» энергии в подавлении студенческих беспорядков.

В ответ на эти действия властей последовал уход в отставку крупных ученых Тимирязева, Лебедева, Зелинского, Чаплыгина, Вернадского. К.А. Тимирязев сказал тогда:

– У нас нет другого пути: или бросить свою науку, или забыть о своем человеческом достоинстве.

В числе заявивших протест в те дни оказалось сто двадцать четыре профессора и преподавателя...

Вслед за сообщением об увольнении В.И. Вернадский получил предписание об освобождении занимаемой им в здании университета казенной квартиры. И пока семья

¹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – С. 247

готовилась к переезду в Петербург, Владимир Иванович должен был отправиться в «радиевую экспедицию», как было намечено уже академической радиевой комиссией.

И когда пошли письма из новых мест, которые вернули его к чистой и желанной свободной науке, он вспомнил любимую русскую сентенцию: «Нет худа без добра!»

Еще в 1882 г. в «Заметках по истории Украины»¹ он записал: «... моя цель – познание всего, что возможно человеку в настоящее время сообразно его силам (и специально моим) и времени. Я хочу, однако увеличить хоть отчасти запас сведений, улучшить хоть немного состояние человека. А улучшение это, к сожалению моему, в мое время зависит не только от научных знаний и приложения их к борьбе с природой, а еще и к борьбе с людьми, к деятельности политической. Могущественным орудием тут является публицистика научная, неопровержимая, логичная. Мои другие занятия, как мне кажется, никогда не позволят мне в моей кратковременной жизни заняться рассмотрением вопросов о влиянии войны на все человеческие племена. Для этого у меня не будет времени. Необходимое для других моих целей подробное знание истории моего родного племени Украинского дозволит, надеюсь, мне изложить хоть в немногих резких чертах влияние войны на это племя и *eo ipso*² может хоть несколько помочь прекращению этого регрессивного явления. Года два, вероятно, мне придется употребить много времени для этой цели»³.

А теперь... Самарканд с его древними мечетями, медресе и мавзолеями не давал Владимиру Ивановичу оставаться наедине с собой. Всюду люди, караваны, арбы, щелкание бичей... С утра до вечера бойкая торговля, чудеса фокусников, масса лавочек.

¹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – С. 33.

² Этим самым (лат.)

³ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – С. 33.

«Владимир Иванович, как всегда в чужих местах, бродил по лавочкам, покупая резные фигурки верблюдов, глиняные копии Мавзолея Тимура, раскрашенные по оригиналу, чеканные браслеты и странные фарфоровые чашки, употребляемые только здесь, – все для подарков. Он никогда не спорил о цене, благодарил, принимая покупку, и непременно снимал шляпу, здороваясь и прощаясь»¹...

Подробно знал В.И. Вернадский историю Улугбека, знаменитого астронома, имевшего в Самарканде прекрасно оборудованную для своего времени обсерваторию. «Раскопки начаты по настоянию крупнейшего востоковеда Бартольда, а средства отпущены Комитетом по изучению Азии», – заметил он в дневнике.

Но вернемся к главной цели экспедиции. Поездка на Тюя-Муюн не оправдала ожиданий: рудник, который хотел Владимир Иванович осмотреть, оказался закрытым. Пришлось ограничиться лишь общим знакомством с месторождением.

Тюя-Муюн – это ущелье с известковыми скалами, сквозь которое пробивается река Араван с большой силой и быстротой. Проводник экспедиции с увлечением рассказывал легенду о красавице Тюя-Муюн, жившей в Куня-Ургенче. Она отказалась стать женою хана Султансуи-Мурзы, и он приказал запрудить реку, чтобы лишить Куня-Ургенч воды. Остатки запруды и образовали ущелье – сообщает молва.

Путешественники внимательно выслушали рассказ проводника, надеясь в легенде открыть намек на какую-нибудь историческую действительность, но ничего не открыли.

И тем не менее месторождение оказалось очень интересным. Ничего подобного Владимир Иванович и Самойлов еще не видывали. Урановые соединения выде-

¹ Лев Гумилевский. Вернадский. Серия ЖЗЛ. – М., 1967. – С. 98.

лялись в пустотах пещер, образовавшихся в известняках. Материал для дальнейших исследований был собран, и план их намечен был здесь же¹.

Но до реализации этих планов было далеко. Как считал В.И. Вернадский, научная работа нации может совершаться только под покровом волевого сознательного стремления правительственной власти. В условиях тех лет, в которые творил ученый, научная мысль могла развиваться только силою волевых импульсов отдельных ученых или общественных организаций. То есть искать, планировать, как это делал он. Но в прочном расцвете наука может находиться только при сознательном единении всех творческих сил и государственной власти.

А здесь, в Средней Азии, Владимир Иванович в первый раз находился в такой глуши, вдали от железной дороги, в пятидесяти верстах от ближайшего жилья. Кроме двоих его спутников, кругом не было ни одной души...

Почти все научные и ненаучные труды поэтически описывали изыскания В.И. Вернадского: замечено, что «как историк науки, ученый хорошо знал непрочность космогонических теорий, постоянно рушившихся под напором научных фактов при каждой смене научных мировоззрений, и потому всегда предпочитал любой из них эмпирическое обобщение. В то же время он видел, что в основе всех гипотез о возникновении галактических систем из первичной материи и гипотез о происхождении жизни на Земле подсознательно лежали мифы о сотворении мира и Человека.

Он считал, что изучение космоса должно начинаться с изучения той частицы его, которая доступна для опыта и наблюдений, и в этом опыте стараться увидеть новую возможность понять организованность Земли как общий планетный механизм...

К предположению о существовании материального соприкосновения Земли с космическим пространством и другими планетами Вернадский возвращался очень

¹ Лев Гумилевский. Вернадский. – С. 99–100.

часто и однажды дал этому явлению поэтический, но научно точный термин – Дыхание Земли.

Только спустя полвека предвиденное В.И. Вернадским Дыхание Земли стало считаться научным фактом. В опубликованной «Правдой» 28 октября 1960 г. статье крупнейший специалист в этой области академик В. Фесенков заметил: «Внешняя оболочка Солнца – корона, простираясь на много десятков его радиусов, приобретает, как показывают радиометрические исследования, клочковатое строение и, наконец, растворяется в межпланетном пространстве. Подобным же образом происходит утечка в пространство газов из внешних слоев атмосфер планет, в частности, нашей Земли, которые, как показали недавние исследования, отличаются очень высокой температурой. Особенно это относится к таким легким газам, как водород и гелий».

Гораздо раньше этой же проблемой занимался А.С. Чижевский, ставший основателем науки – гелиобиологии.

Часто вспоминал В.И. Вернадский Александра Гумбольдта, сказавшего: «Для того чтобы прийти к истине, нужно сто лет, а для того, чтобы начать следовать ей, нужно еще сто лет»... и относился спокойно к непониманию и непризнанию его открытий ни обществом, ни правительством родной страны...

В революционном 1917 г. ученый сразу принял Временное правительство и подписал воззвание, которое призывало к созыву Учредительного собрания, а большевики названы узурпаторами. В эти же революционные дни В.И. Вернадский уехал в Киев и организовал там Украинскую Академию наук.

А потом... «ужасы Глухова, Севастополя, Симферополя, Ростова и Новочеркаска, Кронштадта и Свеаборга, и Кунгура, и тысячи мест. Масса замученных и избитых, истерзанных людей... Какой ужас и какое преступление...»¹, – запишет ученый в своем дневнике.

¹ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. – С. 61.

Но даже в этих ужасающих условиях он постоянно исследует живое вещество, чтобы продлить его жизнь. Продолжает быть активным и даже участвует в политических организациях, которые, как он считал, могут принести несомненную пользу России.

В годы революции В.И. Вернадский сделал свой последний и окончательный выбор – остаться в России, приняв предложение возглавить Таврический университет. Своим сподвижникам он говорил: «...перед ней (интеллигенцией – В.В., С.П.) стоит задача – народное образование. Ибо наше время – время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений, жестокости; время, когда попытка получила свое этическое обоснование, а величайшие преступления вроде Варфоломеевской ночи выставляются как идеал; время обнищания, голодания, продажности, варварства и спекуляции – есть вместе с тем и время сильного, искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встают перед людьми как противовес окружающим их страданиям и кровавым признакам. Сейчас каждый из нас должен искать новых устоев для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей <...>. Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах встали перед человечеством, выходят за пределы одного народа – это вопросы вечные»¹.

Научной работой В.И. Вернадский занимался постоянно. Но в России в то время еще не было необходимой ему лабораторной базы для его исследований. И правительство СССР сочло возможным «позволять» В.И. Вернадскому выезды за границу, но только связанные с его научной деятельностью.

¹ Владимир Вернадский. Избранные труды... (Открытия и судьбы). – С. 254.

Под вековыми сводами Сорбонны, куда В.И. Вернадский прибыл для научных изысканий, в связи с ее историей явился афоризм, который он нередко повторял впоследствии: – Франция делает открытия, Англия и Америка их признают, а Германия применяет на практике!

В Сорбонне же он заметил: «Я думаю, что встретился с проблемами, искание решения которых определяет всю жизнь ученого».

И еще он считал, что книга его «Очерки геохимии», которая в основном была создана здесь, «дает синтез работы всей моей жизни».

«Геохимия» Вернадского вышла в Париже на французском языке в 1924 г. «История железа, меди, свинца, редк...» осталась в рукописи. А в «Геохимии» очерки:

- о живом веществе
- о радиоактивных элементах
- о кремнии
- о силикатах в земной коре.

Во Франции В.И. Вернадский работал в лаборатории Марии Склодовской-Кюри. В 1926 г. его книга «Биосфера» вышла в России, а через год – во Франции.

И здесь Владимир Иванович вновь подчеркивает мысль о невозможности изучения биосферы без учета ее связи со строением всего космического механизма. Основные положения он видел в том, что космические излучения вечно и непрерывно льют на лик Земли мощный поток сил, придающий совершенно особый, новый характер частям планеты, граничащим с космическим пространством. Многолетние научные исследования привели ученого к выводу том, что благодаря космическим излучениям биосфера получает во всем своем строении новые, необычные и неизвестные для земного вещества свойства. Отражающий же ее в космической среде лик земли выявляет в этой среде новую, измененную космическими силами, картину земной поверхности. Благодаря им вещество биосферы проникается энергией. Это вещество

потом собирает и распределяет в биосфере полученную в форме излучений энергию, превращает ее в конце концов в свободную, способную производить работу энергии в земной среде. Следует заметить, что и творческая мысль ученого, возбужденная необыкновенным подъемом, приводит все к новым и новым обобщениям.

И вот в этот разгар стихийного буйства мысли и обобщений В.И. Вернадский получает резкое предупреждение Академии наук о необходимости немедленно вернуться в Петроград, в противном случае он будет исключен из числа академиков. Владимир Иванович отвечает, что не может уехать, не выполнив всех принятых на себя перед «Фондом Розенталя» обязанностей, и что выедет тотчас, как только сдаст свой научный отчет. Подобное же сообщение Владимир Иванович посылает лично А.П. Карпинскому¹ и тогдашнему заместителю комиссара просвещения М.Н. Покровскому².

Уверенный в том, что Академия примет во внимание причины, задержавшие его в Париже, он возвратился к прерванной работе.

Но... тут приходит извещение о том, что ввиду отказа В.И. Вернадского немедленно вернуться на родину он исключается из членов Академии наук.

«Я не представляю свою жизнь без Академии, но, как мне ни трудно с нею расставаться, я не могу возвратиться,

¹ А.П. Карпинский – русский и советский геолог, организатор науки. С 1916 г. – вице-президент Академии наук. В 1917 г. избран ее президентом, организатор изучения производительных сил страны. В 1946 г. АН СССР учредила премию и золотую медаль имени А.П. Карпинского.

² М.Н. Покровский – советский историк, академик Академии наук СССР. Автор многочисленных научных трудов по Русской истории и истории русской культуры. С мая 1918 г. до конца жизни – заместитель Наркома просвещения РСФСР. Был руководителем Коммунистической академии, Института истории партии, Истпартийного архива, редактором исторических журналов, главным редактором «Большой советской энциклопедии».

не сдал своего научного отчета организации, субсидировавшей мою работу: это вопрос чести русского ученого, и Академия не может не считаться с этим обстоятельством!», – писал он в объяснении, адресуясь теперь к общему собранию Академии. Но Академия так и не приняла во внимание письмо ученого.

Владимир Иванович скоро оказался в условиях, потребовавших переустройства в жизни по-эмигрантски и прежде всего поиска какого-нибудь заработка. Ему хотелось все же не терять связи с родиной и поселиться поближе к ней – в Праге. Здесь трудились его друзья по науке, а также жила дочь Нина, окончившая там медицинский факультет и вышедшая замуж за археолога Н.П. Толя. После соответствующих переговоров он был приглашен в Пражский университет читать курс лекций по геохимии металлов на французском языке. Но только в 1926 г., несколько успокоенный, ученый вернулся к своим работам над отчетом.

В это время Академия наук в Ленинграде готовилась отметить торжественно свой двухсотлетний юбилей. В сентябре происходили юбилейные торжества, для участия в которых прибыл сюда М.Н. Покровский. К этому времени он уже получил личное письмо В.И. Вернадского, в котором объяснялась причина его невозвращения на родину...

При встрече с С.Ф. Ольденбургом¹ в присутствии президента и многих академиков М.Н. Покровский сказал о том, что напрасно Академия порвала отношения с В.И. Вернадским. Ясно, что он не мог и не должен был уезжать из Парижа, не сдавши там своего отчета. И потом на торжественном собрании М.Н. Покровский огласил постановление правительства о предоставлении Академии десяти новых кафедр для академиков.

¹ С.Ф. Ольденбург – ученый-востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик АН СССР, в 1904–1929 гг. непреременный секретарь Академии наук.

Скоро В.И. Вернадскому было послано приглашение занять одну из этих кафедр. Ученый вновь был поставлен перед условием немедленного возвращения. Но теперь В.И. Вернадский уже обязан был читать лекции в Праге... Опять помогли друзья и перенесли чтение курса на 1928 год.

В Ленинград В.И. Вернадский вернулся с готовой «Биосферой». Эпиграфом к книге послужили стихи поэта Тютчева:

*«Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе».*

В Академии наук он теперь еще и Председатель комиссии по изучению естественных производительных сил страны. При комиссии был организован отдел живого вещества, который в будущем был преобразован в биогеохимическую лабораторию...

До 1936 г. ученый выезжал в научные командировки за границу довольно часто и более-менее беспрепятственно. В Берлине, Нюрнберге, Копенгагене он одновременно трудился над проблемами истории науки. Читал лекции и работал в лабораториях Скандинавии, Голландии, Америки, Англии, Чехословакии, Франции. И в эти же годы он сформулировал выводы о научной мысли как планетном мышлении, актуальные и сегодня¹.

Но даже будучи ученым с мировым именем, академиком АН СССР, членом-корреспондентом Парижской Академии наук, иностранным членом Чешской и Югославской Академий наук, членом немецкого химического общества, Геологического общества Франции, Минералогического общества США и Германии, В.И. Вернадский постоянно находился в поле зрения соответствующих органов власти. Как уже было замечено выше, в 1924 г. за отказ немедленно вернуться из Парижа, где остались невыполненными

¹ См.: *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное мышление. – М., 1991.

исследования, он был даже исключен из членов Академии наук СССР. Почти через год ученый был восстановлен в прежних званиях и должностях, и даже избирается президентом Украинской Академии наук. Но сколько творческих сил и энергии было отнято за это время напрасно?

В 1930 г. ученого вновь «не выпускают» за рубеж в Сорбонну для чтения лекций. В.И. Вернадский вынужден был обращаться в правительство с письмом, полным возмущения, и с просьбой: объяснить столь несправедливое отношение к нему. Письмо заканчивалось просьбой о разрешении выезда с женой за границу навсегда, если его командировка в Сорбонну невозможна. Отпустили в командировку, но... через год.

Тогда, в начале XX в., как считают многие ученые, произошли какие-то важные энергетические изменения в земной сфере. Проявились ощутимо Творцы нового мышления. Рядом с В.И. Вернадским мы видим имена К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, многих других ученых, мыслителей, поэтов, писателей, художников-космистов. Космическая эволюция остановила на них выбор, учитывая те богатые духовные накопления, с которыми они пришли в этот противоречивый и далеко не совершенный мир, неся в себе тяжелую, но необходимую миссию – сделать обитателей этого мира лучше и просветленней¹.

Историческое время 20–30-х годов XX в. совпадает и с первыми преобразованиями советской власти по переустройству новой государственной системы, образа жизни граждан. Личности, подобные В.И. Вернадскому, играли в этом огромном переустройстве значимую интеллектуальную роль, хотя каждая из этих личностей, как и всегда, просто ответственно и с особой приверженностью занималась своим делом – творила.

¹ См.: Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Книга третья... – С. 262, 263. Здесь Л.В. Шапошникова говорит именно о В.И. Вернадском.

Сегодня еще сложно сказать определенно почему, но 20–30-е годы особенно отличаются репрессивными кампаниями против старой русской интеллигенции. Их целью было не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей, не совместимых с насаждаемой новой властью.

В одну из таких кампаний был «втянут» следственными органами В.И. Вернадский. Речь идет о «деле» так называемой «Российской национальной партии» – «Деле славистов».

Мало того, по сфабрикованному «Делу» В.И. Вернадский чуть было не был обвинен как один из главных организаторов «Российской национальной партии». Избежавший ареста по делу «славистов» Владимир Иванович продолжал поддерживать традиции академической корпоративности, независимой от конъюнктуры. В один из тяжелейших периодов советской истории 1937–1938 гг. ученый активно использовал свой авторитет, заступаясь за пострадавших ученых¹, и не только ученых.

В.И. Вернадский принял участие в судьбе М.Н. Сперанского, одного из наиболее заметных фигур среди академиков-филологов. В 1902 г. М.Н. Сперанский избран членом-корреспондентом, а в 1921 г. – академиком Академии наук. Он также был арестован по «Делу славистов» и приговором особого совещания от 16.VI.1934 г. осужден к ссылке в г. Уфу на три года. Написав письмо Сталину, ученый избежал лагеря и ссылки, однако от науки был отлучен, а издание его трудов прекратилось.

В письме В.И. Вернадскому 19 января 1938 г. Михаил Несторович пишет: «Исполняя Ваше поручение, посылаю краткую записку о моем деле... К записке на всякий случай прилагаю список ненапечатанных моих работ, о чем мы с Вами говорили, и выписку из академической газеты: может быть, она пригодится при разговоре о

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 70–72.

«панисламизме» и «славянофильстве». Прилагаю и второй экземпляр записки для Д.М. Петрушевского»¹.

Почти через месяц, 18 февраля, М.Н. Сперанский посылает В.И. Вернадскому список своих неизданных работ для передачи президенту АН СССР В.Л. Комарову, и в сопроводительном письме надеется на новую встречу. Но уже через несколько дней он пишет В.И. Вернадскому: «К сожалению, лично поблагодарить Вас за хлопоты не могу: вот уже неделю как сижу или, лучше сказать, лежу дома с плевритом в правом легком, осложненным невралгией, и не знаю, когда разрешится тот и другой»².

М.Н. Сперанский скончался 12 апреля 1938 г., ровно через четыре года после своего ареста по делу «славистов». Неизданные научные труды М.Н. Сперанского начинают появляться в печати только в 1954 г. после смерти Сталина. Хотя при переиздании в 1941 г. энциклопедического словаря «Гранат» его статья «Древнерусская литература» была сохранена. Возможно, это произошло благодаря вмешательству В.И. Вернадского.

Вернувшись из-за границы в феврале 1934 г., Владимир Иванович сразу же начал хлопотать за своего друга Б.Л. Личкова, арестованного 5 января. Авторы «Дела славистов»: 30-е годы замечают: «видимо по этой причине, а также в связи с просьбами других именитых ученых лагерная судьба Б.Л. Личкова была лучше судьбы большинства его однодельцев: почти все время, исключая период следствия, он работал по специальности».

Судьбу Б.Л. Личкова Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов смогли восстановить по материалам его «Дела», а также из «Переписки» с В.И. Вернадским, изданной в 1979 г. После

¹ Д.М. Петрушевский – ученый, историк-медиевист, академик АН СССР с 1929 г. Написал ряд научных трудов по генезису феодализма в Западной Европе, по истории средневекового общества и государства, приверженец общинной и вотчинной теории.

² Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 100.

ареста и суда Б.Л. Личков был направлен в Среднюю Азию, где летом 1934 г. работал в районе Коканда и в Сохской долине, исследуя реки. Осенью, в Ташкенте, он обрабатывал материалы, собранные в экспедиции. В октябре 1934 г. Москва затребовала Б.Л. Личкова и он был переправлен на планируемое строительство канала Москва – Волга в Подмосковье. С ноября в течение года в связи со строительством Ивановской ГЭС он занимался изучением проблем подтопления волжского бассейна и водного режима в зоне канала. В письмах В.И. Вернадскому Б.Л. Личков жаловался, что вынужден обобщать чьи-то сведения, сидя в канцелярии, не изучив реалии на месте.

В ноябре 1934 г. Б.Л. Личков был переведен в район Рыбинска, где предстояло вести аналогичную работу в связи со строительством Рыбинской ГЭС. Здесь ученый проработал более пяти лет и ему удавалось нередко выезжать «в поле». Мало того, времени хватало не только на выполнение обязательных заданий, но и на собственные научные изыскания.

Переписка Б.Л. Личкова с В.И. Вернадским возобновилась еще в июле 1934 г. В ней он сообщает учителю о проблемах, волнующих ученых, и своих научных изысканиях, которые ему удалось осуществить в годы заключения. В комментариях к «Переписке» приведен список работ, выполненных Б.Л. Личковым в эти годы, однако большинство из них либо не сохранились, либо дошли до нас в рукописном виде.

В отличие от большинства ученых, репрессированных по делу «Российской национальной партии», Б.Л. Личков имел возможность иногда публиковаться. В.И. Вернадский содействовал переизданию его книги «Движение материалов и климаты прошлого Земли», причем дважды. В журнале «Природа» и в других изданиях печатались его статьи и рецензии на его труды. В лагере Б.Л. Личков несколько раз был отмечен как «ударник», а в 1936 г. благоволивший к нему начальник

строительства Рыбинской ГЭС Я.Г. Рапопорт разрешил даже вызвать из Ленинграда семью.

И тем не менее ученого тяготило отсутствие свободы передвижения, научного общения и библиотек. Из «Дела» Б.Л. Личкова видно, что в мае 1937 г. он последний раз был «премирован», а затем вдруг все «зачеты», составившие к тому времени 1 год и 5 месяцев, были сняты.

В одном из писем В.И. Вернадского Л.П. Берии сообщается о том, что Б.Л. Личков «При т. Ежове ... был переведен в плотники...». В марте 1938 г. В.И. Вернадский единственный раз адресует письмо не самому Б.Л. Личкову, а его жене в связи с предполагаемым отъездом Бориса Леонидовича в «новую командировку». Очевидно, именно в этот период идет речь о переводе его в плотники, поскольку из-под Рыбинска он так и не уехал и оставался на прежней работе. Но, очевидно, режим ужесточился, семье пришлось вернуться в Ленинград, снова одиночество, ужасающая скученность арестованных в камере, а впереди никаких надежд.

Именно тогда, в 1938 г., В.И. Вернадский начинает особенно активно хлопотать о судьбе коллеги. 15 июля он пишет письмо наркому Н.И. Ежову¹:

«Многоуважаемый Николай Иванович!

Обращаюсь к Вам, так как думаю, что Вы можете помочь в деле, о котором я пишу, так как считаю нравственным долгом обратить Ваше внимание на возможную гибель большого ученого, чрезвычайно нужного для нашей страны и уже сделавшего государственно крупное и нужное дело в постройке канала Москва – Волга и в Волгострое.

Дело идет о профессоре Б.Л. Личкове, которого я знаю больше двадцати лет и считаю благородным, честным человеком и одним из крупнейших геологов в мировом масш-

¹ Н.И. Ежов (1895–1940) – руководитель ОГПУ, нарком Внутренних дел СССР в 1936–1938 гг., на время которого падает пик репрессий. В народе это время называлось «ежовщиной».

табе, от которого по его возрасту можно ждать еще много впереди, если он выживет. Такие люди редки, и преждевременная гибель их государственно вредна. Я никогда не верил в возможность тех поступков, в которых его обвиняли, и думал вначале, что это одна их тех ошибок, которые, к сожалению, неизбежны и постоянно бывают в этих делах.

Но теперь после последнего процесса для меня стало ясным, как и для многих других, что его злоключения – дело Ягоды¹ и тех его помощников, которые оказались в составе Академии наук. Я уверен, что случай с Личковым не единственный и что есть какие-то общие меры, которые связаны с расследованием действий преступной деятельности Ягоды – насколько они отразились на его жертвах.

Считая Б.Л. Личкова одним из крупнейших из молодых² по сравнению с моим возрастом – геологов, я обращаюсь к Вам, или кому Вы укажете, дать оценку научной работы Б.Л. Личкова. Должен добавить, что Личков уже больше четырех лет находится в тяжелых условиях и здоровье его хрупкое. К счастью, он имел возможность большую часть этого времени провести на научной работе и не отстал благодаря этому от современного уровня знания. Она поддержала его в его несчастьях. С ним вместе невинно страдает и его семья.

С совершенным почтением В.И. Вернадский»³.

Письмо осталось без ответа. Почти через год 27 апреля 1939 г., когда Ежова уже сменил Л.П. Берия⁴ и «засвети-

¹ Г.Г. Ягода (1891–1938) – гос. и парт. деятель, руководитель ОГПУ, нарком Внутренних дел СССР в 1934–1936 гг., развернувший массовые репрессии.

² Б.Л. Личкову в июле 1938 г. исполнилось 50 лет.

³ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 99–100.

⁴ Л.П. Берия (1899–1953) – гос. и парт. деятель, один из главных организаторов необоснованных политических обвинений и массовых репрессий. В 1938–1945 гг. – Нарком Внутренних дел СССР.

лась» некоторая либерализация, В.И. Вернадский снова пишет письмо новому наркому, в котором как и в предыдущем говорит о Б.Л. Личкове как «жертве преступлений Ягоды». В конце было замечено: «Обращаюсь к Вам с уверенностью, что Вы войдете в суть дела и вернете его к семье, к науке и к свободной работе на благо нашего народа, веля пересмотреть его дело. Таких геологов, как Личков, у нас немногие единицы. Их надо беречь»¹.

Не знал, наверное, в то время Владимир Иванович о том, что 19 февраля 1939 г., то есть двумя месяцами ранее, Прокурор СССР А.Я. Вышинский направляет в Особое совещание НКВД «Ходатайство» по поводу Б.Л. Личкова, где в частности сказано: «В процессе допроса Личков заявил, что был завербован в к.-р. организацию академиком Вернадским, эти показания не проверены, академик Вернадский не допрошен, не репрессирован, а работает и по настоящее время. В поданных заявлениях Личков вину свою отрицает, заявляя, что показания им даны вынужденно. Вредительская деятельность Личкова не доказана, т.к. к сапропелевому делу он отношения не имел. По сообщению президента Академии наук академика Комарова, Личков является крупным ученым, за время пятилетнего пребывания в лагерях принес большую пользу, за что трижды отмечен приказами и премирован. Считаю возможным дело в отношении Личкова пересмотреть, ограничиться отбытым сроком и из-под стражи освободить»².

Что же послужило толчком для подобного заключения прокурора СССР А.Я. Вышинского? Как пишут авторы «Дела славистов»: 30-е годы», в конце января 1939 г. состоялись выборы в Академию наук, и одним из новых академиков стал А.Я. Вышинский. Это избрание вместе с одновременным присвоением И.В. Сталину звания почетного

¹ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 172.

² Там же.

академика продемонстрировало по отношению к властям полную лояльность Академии наук, в которой в то время еще преобладали ученые, творчески сложившиеся до революции. Самому А.Я. Вышинскому надо было как-то укорениться в академической среде, и он пытается «отблагодарить» академиков. Многие из них в то время обращались с просьбами смягчить участь родных и знакомых. Новый академик А.Я. Вышинский, очевидно, обратил внимание на просьбу В.И. Вернадского и поддержавшего его президента Академии наук академика В.Л. Комарова.

Но... как и всегда, и во всем бюрократическая машина не спешила. Только 19 марта 1939 г. Особым совещанием было подготовлено «заключение» по политическому обвинению Б.Л. Личкова, давшее возможность повторно рассмотреть дело. В мае сам Б.Л. Личков пишет подробное «прошение» с просьбой об изменении его участи. Это прошение 3 июня было переслано из секретариата Берии в секретариат Особого совещания. «Входящий» штамп Особого совещания обозначен 3 августа 1939 г. Только 9 октября, то есть почти через семь месяцев, по «ходатайству» Прокурора СССР А.Я. Вышинского оперуполномоченный 3 отделения секретариата Особого совещания младший лейтенант госбезопасности Бабаев составил «заключение». В «заключении» в основном повторяется «ходатайство» Прокурора СССР и предложение: согласиться с мнением Прокурора СССР.

Соответствующее решение состоялось 17 октября. Потом 12 дней выясняли, в каких лагерях находился «заключенный Личков». И только 29 октября начальнику Волголага пришло предписание об освобождении Б.Л. Личкова из-под стражи¹. Вся процедура освобождения заняла примерно полгода. В лагерях Б.Л. Личков пробыл почти шесть лет, вместо десяти, определенных изначальным приговором. В ноябре он прибыл в Ленинград и 9 ноября сразу же

¹ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». – С. 169–173.

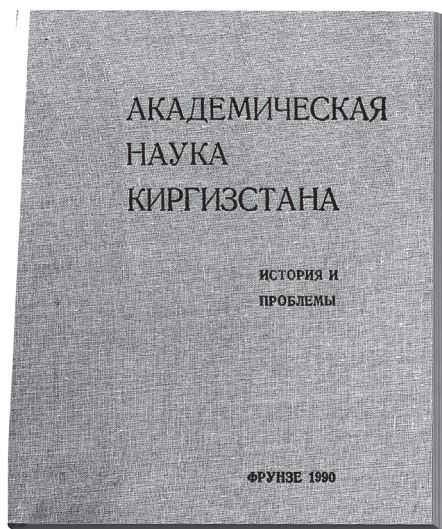
написал В.И. Вернадскому в Москву. Вскоре он побывал и в Москве, встретившись, наконец, с Владимиром Ивановичем. Но жить и работать в Москве он не имел права: пришлось считаться с «минусом» – судимостью.

После освобождения в 1939 г., повидавшись с семьей в Ленинграде, Б.Л. Личков до февраля 1941 г. оставался на строительстве Рыбинской ГЭС, затем работал в Самарканде; с 1942 г. – в Сталинабаде (Душанбе). В 1945 г. судимость была снята окончательно. Только в 1946 г. Б.Л. Личков вернулся в Ленинград, где стал заведовать кафедрой гидрологии в ЛГУ. Но полная реабилитация произошла позднее. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г. «дело» Личкова Б.Л. и многих его коллег было прекращено «за отсутствием состава преступления». Но В.И. Вернадский уже не дождался окончательного возвращения Б.Л. Личкова в Ленинград и его полной реабилитации. Через одиннадцать лет, 20 октября 1966 г., большой ученый сложной судьбы Б.Л. Личков ушел из жизни.

В.И. Вернадский ушел из жизни 6 января 1945 г. на 82 году жизни, не дожив до Победы четырех месяцев. Но ушел Победителем, оставив человечеству обширное и многогранное научно-философское наследие, опередившее Время¹.

Разумеется, Б.Л. Личков не единственная личность, за судьбу которой так бесстрашно сражался В.И. Вернадский. Он хорошо понимал, что духовной культуре трудно выжить, когда материя жизни продолжает разваливаться. «Происходит, с моей точки зрения, безумная трата самого дорогого достояния народа – его талантов. А между тем эти таланты никогда не возобновляются непрерывно. И даже если бы оказалось, что процесс их создания в

¹ Из телеграммы на имя И.В. Сталина узнаем о том, что В.И. Вернадский из полученной Сталинской премии передал в фонд обороны 100 000 рублей. См.: Антология гуманной педагогики. – М., 2001. – С. 167.

нашем народе еще длится, все же одни личности механически не могут быть заменены другими»¹, – констатировал великий ученый.

В заключение хочется заметить, что имя В.И. Вернадского связано и с Кыргызстаном, разворачиванием геологических исследований на Тянь-Шане. «Геология, – считал он, – наука о времени столько же, как и о пространстве

(материи-энергии), и поэтому ни в одной из других естественно-исторических наук нет такого проникновения в пространство – время, как в ней»².

В.И. Вернадский совместно с известными российскими учеными – А.Е. Ферсманом, Д.И. Щербаковым и другими принял непосредственное участие в составлении природно-металлогенических схем Тянь-Шаня, а также в формировании оригинального минералого-геохимического направления в металлогении, которые получили дальнейшее развитие в трудах ученых Института геологии Кыргызской Академии наук³.

¹ Цит. по: Аксенов Г. Вернадский. – М., 2001. – С. 331.

² Цит. по книге: Академическая наука Кыргызстана. История и проблемы. – Фрунзе, 1990. – С. 229.

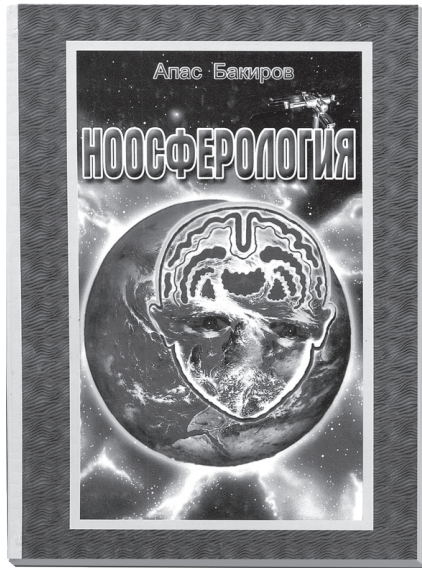
³ Там же. – С. 230.

В недавно увидевшей свет книге «Ноосферология»¹ академик А.Б. Бакиров пишет, что понятие «ноосфера» появилось в 20-х гг. прошлого столетия и основоположниками его являются Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский и многие другие. «Под этим термином, – считает автор, – понимался некий объект – оболочка планеты Земля (греч. *noos* – разум и *sphaira* – шар), в которой живет разумное существо – человек и которая оказывает воздействие и преобразовывает среду обитания»².

Один из ученых, названных в книге «Ноосферология» основоположником понятия «ноосфера», академик В.И. Вернадский в тяжелейшие мартовские дни военного 1943 г. в телеграмме на имя Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина вместе с просьбой о направлении из его премии 100 000 рублей на нужды обороны записал: «Наше дело правое, и сейчас стихийно совпадает с наступлением ноосферы – нового состояния области жизни, ноосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической планетной силой...»³. Но это происходило в 1943 г.

Сегодня, через 60 лет, анализируя литературные источники, в том числе и труды В.И. Вернадского, а также резуль-

¹ Бакиров Анас. Ноосферология. – Бишкек, 2006.

² Там же. – С. 10.

³ См.: Антология гуманной педагогики, с.167.

таты деятельности человеческого разума, А.Б. Бакиров пришел к выводу о том, что эта оболочка – ноосфера – уже существует как реальность, но само понятие оставалось долгое время на синкретическом уровне. А.Б. Бакиров полностью соглашается с мнением многих ученых относительно того, что назрела необходимость выделения самостоятельной науки о ноосфере.

«Науку, изучающую строение и развитие ноосферы, где человек взаимодействует с природой и преобразовывает ее, я предлагаю назвать **ноосферологией**. Она должна исследовать естественные предпосылки возникновения ноосферы, выяснить тенденцию развития и выявить факторы, определяющие направленность ее эволюции»¹.

При этом А.Б. Бакиров подчеркивает, что именно В.И. Вернадский, исходя из вещественно-энергетической природы пространства, выделил особое земное пространство, обусловленное гравитацией планеты и характеризующееся сферическими пластовыми формами. Развивая эту идею великого ученого и анализируя энергетические ресурсы Земли, кыргызский академик А.Б. Бакиров выделил тепловое пространство, обусловленное действиями тепла земных недр, которое направлено против гравитационных сил и характеризуется образованием центрбежных радиальных структур, обладающих формами внедрения (плюмы, магматические массы, метаморфические образования)².

Итак, развитие ноосферы, как предсказывал В.И. Вернадский, приобретает устойчивый характер. В ноосфере грядет господство разума. Но первой необходимой предпосылкой преобразования разума является рост научной мысли.

¹ Бакиров Апас. Ноосферология. – С.11.

² См.: Там же, – С.20.

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА ИСТОРИИ НАУКИ

Первые шаги кыргызской этнографии

Ф.А. Фиельstrup

Только после десятилетия умолчания (с 1933 по 1971 гг.) имя забытого, считавшегося «врагом народа» одного из первых этнографов Кыргызстана Федора Артуровича Фиельstrup было упомянуто в научной литературе¹, и лишь в 2002 г. издана книга его научного наследия².

Книга была издана по инициативе и благодаря усилиям подвижников этнографической науки докторов исторических наук Б.Х. Кармышевой и

С.С. Губаевой, выступивших редакторами и составителями монографии. В связи с этим необходимо отметить, что оригиналы отчетов и некоторых неопубликованных рукописей Ф.А. Фиельstrup отложились в Отделе рукописных фондов Национальной академии наук Кыргызской Республики и все еще ждут своего исследователя.

¹ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; *Кармышева Б.Х.* Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф.А. Фиельstrup // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1988.

² *Фиельstrup Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М., 2002 .

Это касается, в первую очередь, записей ученого о материальной культуре кыргызского народа, поскольку опубликованная монография посвящена в основном обычаям и обрядам кыргызов.

В книге Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова «Дело славистов» имя Ф.А. Фиельструпа упомянуто семь раз и связано это было с репрессиями в СССР, с одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции. С этого процесса репрессивная кампания распространилась и на национальные окраины. В 1933–34 гг. – «Дело» так называемой Социал-Туранской партии в Кыргызстане, закончившееся массовым уничтожением в первую очередь не только политических соперников власти или оппонентов тоталитарной системы, но и цвета национальной интеллигенции.

Фиельструп Федор Артурович был одним из тех ученых, кто стоял у истоков советской этнографической науки, представителем русской научной школы, несколько лет он являлся сотрудником Комиссии по изучению племенного состава населения СССР. Замечательный ученый собрал богатейший материал, отражающий все стороны традиционного хозяйства и быта кыргызов. Многие из собранного и описанного Ф.А. Фиельstrupом в экспедициях 1924, 1925 и 1929 гг. уже в те годы было жизненной архаикой и сохранилось только в очень глухих горных селениях.

В Кыргызстане он обследовал огромную территорию Центрального Тянь-Шаня: от верховьев рек Тюп и Джергалан на востоке до Суусамыра на западе; от долины реки Большой Кебин на севере до долины реки Арпы на юге. В Таласе и приферганской части он также обнаружил обряды, находящиеся на стадии исчезновения.

Как истинный представитель российской научной школы, Ф.А. Фиельструп считал, что любое исследование требует комплексного подхода. Вместе с этнографическим материалом он собирал лингвистический (диалек-

тологический) фольклор, в том числе обрядовый. Песни, пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, собранные им, приведены в транскрипции, в разных вариантах в зависимости от местности, где была сделана запись.

К сожалению, большая часть этнографических и фольклорных материалов, собранных Ф.А. Фиельstrupом, не была известна ученому миру почти 70 лет. Только в 2002 г. Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая был издан его богатейший труд, названный «Из обрядовой жизни киргизов начала XX века» под редакцией Б.Х. Кармышевой и С.С. Губаевой.

Федор (Теодор) Артурович Фиельstrup родился 19 февраля 1889 г. в Петербурге в семье инженера-электрика. Отец его Артур Фредерик – датчанин, родился в 1856 г. в Копенгагене. Здесь же он получил образование и после окончания Технического института приехал в Россию, в Петербург.

Не сразу Артур Фредерик обосновался в Петербурге прочно и надолго. Сначала он работал в Большом Северном телеграфном обществе, с 1881 г. – в Управлении городских телеграфов в Петербурге в должности старшего механика. Более года, по долгу службы, он был прикомандирован в штат Тифлисского телеграфного округа для ремонта кабеля, проложенного через Каспийское море.

Только в 1890 г. Артур Фиельstrup принял подданство России и окончательно обосновался в Петербурге. Всего восемь лет он проработал в Петербурге, скоро серьезно заболел, вследствие этого был освобожден от службы и в 1898 г. в возрасте 42 лет скончался.

Теодору – Федору исполнилось всего девять лет, когда его мать Флоренция Мэри, англичанка, до замужества Стерн, после смерти мужа осталась с двумя детьми без средств к существованию. Она стала зарабатывать на жизнь уроками английского языка. Многие будущие известные ученые получили азы английского от матери Федора Фиельstrupа, в частности, академик П.Л. Капица и его старший брат Л.Л. Капица.

Разумеется, после смерти отца Федору с братом Эмилем сразу же пришлось зарабатывать на жизнь. Еще в гимназические годы, владея в совершенстве английским языком, Федор, как и его мать, стал давать уроки. И потом, уже будучи студентом, он подрабатывал переводческой работой, одновременно занимаясь самообразованием. Когда не хватало штатных переводчиков, его приглашали в английское посольство в Петербурге. Елена Михайловна Пещерова, его супруга, шутя вспоминала: Федор был желанным гостем этих вечеров еще и потому, что прекрасно танцевал.

В 1912–1913 гг. в качестве переводчика молодому Федору Фиельструпу удалось даже совершить два интереснейших путешествия с американскими учеными: на Кавказ – с ботаником Миллером и в Монголию – с антропологом, куратором Вашингтонского национального музея А. Хдрличкой. Вероятно, эти экспедиции произвели на пытливого юношу большое впечатление и повлияли на дальнейший выбор профессии.

Когда оба брата окончили коммерческое училище, старший Эмиль решил продолжить образование по избранному им направлению. Федор, очевидно, получив определенную закалку в экспедициях, обнаружил в себе огромный интерес к постижению истории различных народов. И в 1908 г. он поступает в Петербургский университет, подав сначала заявление на факультет восточных языков, но затем перевелся на романо-германское отделение историко-филологического факультета.

Большое влияние на выбор будущей профессии и вообще увлечение этнографией оказал профессор Л.Я. Штенберг, который читал лекции по антропологии и этнографии студентам в географическом кружке при Петербургском университете.

Обучение в университете «затянулось» в связи с тем, что Федор Фиельструп вместе с пятью молодыми учеными в 1914–1915 гг., т.е. во время Первой мировой

войны, отправляется в экспедицию для изучения жизни индейских племен и природы тропических лесов Южной Америки. В организации экспедиции принимали участие петроградские академические музеи: Музей антропологии и этнографии, Зоологический музей, Русское антропологическое общество при Петроградском университете, Антропологический отдел общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Присоединились к ним и несколько любознательных путешественников.

В экспедиции Федор Фиельструп приобрел необходимые знания, которые, очевидно, окончательно убедили его в правильности выбора будущей профессии. Окончив в 1916 г. университет, Федор Артурович стал работать в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Новое правительство, пришедшее к власти после Октябрьской революции 1917 г., решило приступить к немедленному решению национальной проблемы как важнейшей части государственного строительства. При Российской академии наук в том же 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). С 1925 г. она стала именоваться Комиссией Академии наук СССР по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Материалы, собранные, проанализированные и окончательно подготовленные членами комиссии, должны были послужить основой для проведения национально-территориального размежевания в новом государстве.

Ф.А. Фиельструп сразу же приобщился к работе этой комиссии: с 1918 г. – в качестве внештатного, а с 1921 г. – уже штатного сотрудника КИПСа, наделенного всеми необходимыми полномочиями. В экспедициях от Приуралья до Ферганской долины и от Алтая до Кавказа и Крыма Ф. Фиельструп занимался прежде всего сбором материалов по этническому составу и расселению народов. В результате поездок значительным коли-

чест-вом предметов материальной культуры, новыми экспонатами были пополнены коллекции Русского музея (ныне они хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге), Главного среднеазиатского музея в Ташкенте, а также музея в г. Фрунзе (ныне Бишкек).

Этнографическое изучение жизни и быта тюркских народов в сравнительно-историческом плане, выяснение их этногенетических и историко-культурных связей определило основное направление творчества молодого ученого в эти годы. Именно в таком ключе написаны его статьи «Свадебные жилища турецких народностей» и «Молочные продукты турков-кочевников», которые были опубликованы в «Материалах по этнографии» (Л., 1926. – Т. III. – Вып. 1).

Огромный материал по этнографии тюркских народов, особенно казахов и кыргызов, собранный ученым, но не опубликованный в свое время, был передан в дар Институту этнологии и антропологии РАН женой ученого, крупнейшим специалистом по этнографии Средней Азии Е.М. Пещеровой (1897–1985 гг.).

Среди значительного количества материалов, собранных в экспедициях Ф.А. Фиельструпом, обнаружены и полевые записки о кыргызах. Они были расписаны по темам на отдельных листочках, систематизированы и подготовлены для дальнейшей работы. Кроме того, здесь же имелись данные сравнительного анализа с обрядовой жизнью казахов, крымских татар, ногайцев, хакасов, теленгитов, шорцев и других народов. Много лет эти материалы хранились в личном архиве.

Среди материалов, собранных ученым в экспедициях, имеются извлечения из опубликованных к тому времени трудов его предшественников, видных ученых. Над многими проблемами по этнографии тюркских народов, над которыми в свое время работал Ф. Фиельструп, в том числе и кыргызов, ученые работают и сегодня.

Не успел Федор Артурович Фиельструп описать, обобщить, проанализировать и оформить в книги все свои исследования, проведенные за очень короткие сроки. По «делу» так называемой «Российской национальной партии», иногда также именуемому «делом славистов», которое было сфабриковано, как и большинство обвинительных «дел» того времени, 26 ноября 1933 г. Федор Артурович был арестован. «Дело славистов» стало одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции, целью которой было «не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей, по сравнению с господствующей».

* * *

О научной деятельности и трагической судьбе Ф.А. Фиельструпа можно прочитать в исследованиях *Кармышевой Б.Х.* Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е гг. (полевые исследования Ф.А. Фиельструпа) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1988. – Вып. 10; От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. – М., 1999.

При жизни Ф.А. Фиельструп успел опубликовать лишь несколько статей, по которым, однако, можно судить о том, какой огромный научный потенциал был заложен в этом ученом, а собранный им уникальный полевой материал позволяет предположить, сколько интереснейших трудов остались неизданными. Причем все они написаны с особым литературным даром. Магия стиля изложения материала была такова, что читающий с интересом прочитывал до конца описание интерьера жилища, утвари, сельскохозяйственных орудий, орудий ремесленников и с удовольствием вживался в житейскую атмосферу народа, о котором писал ученый.

Ф.А. Фиельструп был в числе первых советских этнографов, проводивших свои исследования в Киргизии:

Н.П. Дыренковой, Н.Х. Калемина, М.Ф. Гаврилова, П.И. Кушнера, П. Погорельского, В. Батракова, С.М. Абрамзона и многих других.

В личном архиве ученого кыргызские материалы представлены тремя дневниками, пятью тетрадями с записями, тремя подробными рукописными отчетами о его полевых исследованиях в Киргизии за 1924–1925 гг., одной тетрадью за 1924–1926 гг., в которую вошли описи приобретенных коллекций и записи расходов.

При жизни ученый успел опубликовать всего несколько статей: Этнический состав населения Приуралья // Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР. – Л., 1926. – Т. II; Исследования среди кара-киргиз // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. – Л., 1926; Каракосмос Рубрука // Этнография. – 1926. – № 1/2; Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казахи: Антропологические очерки. – Л., 1927 и другие.

Одно из основных мест в научной деятельности ученого занимала материальная культура. Эта область в современной этнографии кыргызов изучена лучше других. Достаточно назвать труды К.И. Антипиной, С.М. Абрамзона и других¹.

В рукописном фонде архива Национальной академии наук хранятся бесценные тексты отчетов экспедиции 1925 г., подписанные рукой Федора Артуровича, которые служат образцом для составления подобного рода документов:

«Летом 1925 года я продолжал работы, начатые в предыдущем году в Семиречье среди кыргызов, и объехал

¹ Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. – Фрунзе, 1962; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971; Фрунзе, 1990.

западную часть Пишпекского округа следующими маршрутами. Июнь месяц я с названными ниже спутниками провел на р. Больш. Кебин, посещая кочевки сарыбагышей, постепенно подымавшихся от своих зимовок выше по реке. Весь июль и половина августа были проведены в пути от Пишпека к Андижану: через перевал Суккулук в систему рр. Каракол, Сусамыр, Кокомерен, Джумгал, затем вверх по Джумгалу и его притокам на Терской сандык, оттуда по р. Суёк на Кочкор и трактом до сел. Рыбачьего на Иссык-Куле. Обогнув западный конец озера, мы направились на юг перевалом Конурлен на р. Каракужур¹ и затем на запад через Солтон сары, Кумбель ата к Сон кулю, который объехали с юга. Отсюда на перевал Кара киче, Донгуз и в горы Кавак, из которых вышли, перейдя вброд р. Нарын в Тогуз торо. В Ферганскую область мы прошли перевалом в вершине рч. Каравос, к северо-западу от Кугарта, и кратчайшим путем, через Базар-курган и Кокан-кишлак проехали в Андижан.

Мне сопутствовали в поездке двое киргиз Быстрореченской вол. Пишпекского уезда: переводчик Болот Абдраев и джигит Абулмажин Сыдыгалиев.

Во время своих разъездов и в работе вообще я встречал всюду любезное содействие, как в госучреждениях (Средазкомстарис, обл. исполком Киргизстана и Кирнаркомпрос), так и со стороны частных лиц (Джанек Солтоноев, А. Сыдыков, тов. Петровский, зав. 2-й Советской школы в Пишпеке), не говоря уже о широком гостеприимстве, оказанном мне в степях. Приношу им всем мою искреннюю благодарность»².

Вышедшее, как уже отмечалось выше, в 2002 г. издание Ф.А. Фиельструпа «Из обрядовой жизни киргизов начала XX в.» посвящено обычаям и обрядам кыргы-

¹ Здесь и далее названия рек, гор, местностей даны в соответствии с текстом архивного документа.

² Полностью отчет нами приводится в Приложении к изданию.

зов и некоторых других тюркских народов в самых разных областях быта, прежде всего обрядам, связанным с рождением и воспитанием ребенка, а также свадебным и погребально-поминальным. Немало страниц книги дают представление о хозяйственной деятельности, празднествах и развлечениях, традиционной социальной структуре кыргызского общества, архаичных пластах их мировоззренческой системы.

Многие материалы, собранные в 20-е годы, уже были архаикой. К примеру, новогодние обряды ритуального прыганья через костер с целью «очищения» тех людей, у кого в новом году начинался следующий *мучол* – то есть 12-летний «животный» цикл, по которому во многих странах Востока исчисляется возраст человека. Обычай битья старой деревянной чашки, принадлежащей имениннику. Оба обычая сохранились только в очень глухих горных селениях. То же самое произошло и с обрядом, совершаемым на Новый год мальчиками: после прыжков через костер они бросали в степь свои альчики – игральные кости, бабки.

В те годы, когда Федор Артурович проводил исследования, на стадии исчезновения был древнейший обряд, совершаемый на годовых поминках: обнаженная женщина распутывает зубами узел привязи (к низкому колышку) верблюда, груженного всяким добром, а потом, развязав узел, забирала верблюда себе.

Еще один поминальный обряд, описанный Ф.А. Фиель-струпом: к годовым поминкам у киргизов мастера специально вытачивали деревянную посуду, как магию, обеспечивающую будущее плодородие – возрождение души покойного. Использовались сено, солома, травы в качестве подстилки для тела покойного; осыпание носилок зернами злаковых; укладывание в могилу вместе с покойным яиц и т.д.

Многие архаичные пласты мировоззренческой системы кыргызов позволяют выяснить детали обрядов, связанных

с выхаживанием недоношенных детей. Ребенка укладывали в меховую шапку, и на тот период, который нужен для его «дозревания» – по числу недостающих дней до положенных девяти месяцев, девяти дней, девяти часов, девяти минут, подвешивали на кереге – деревянной решетке цилиндрической части юрты – и потом, ежедневно передвигая по ней, начиная с правого дверного косяка, считали каждый скреп решетки за день... Причем ребенок должен был «дозреть», не касаясь земли, как в утробе матери. Даже при пеленании его не клали на землю.

Интересны свадебные обряды, где пища играла важную ритуальную роль.

Магическая функция приписывается на этой части праздника голове жертвенного барана. Как заметил Ф.А. Фиельструп из юрты молодоженов выбрасывали через дымоход голову жертвенного животного, которую, по сообщениям одних информаторов, варят потом и едят, а по сообщениям других, эта голова в юрту больше не возвращается, а кто-то ее ловит и уносит. Думается, что точнее второе. Ведь голова барана (как часть всего барана) – это жертва дымоходу, которую тот должен принять. А это свидетельствует о неугасании огня.

Свадебная обрядность ряда тюркоязычных народов обязательно предполагала «обмен» пищевыми продуктами между сторонами, вступающими в родственные отношения. В приданое невесты клали какие-либо гостинцы, которыми затем угощается сторона жениха. Так, в кыргызском языке существовал термин «кешик», одновременно обозначающий: 1) угощение, устраиваемое в доме жениха по прибытии туда невесты (его привозят с собой родственники невесты); 2) остатки пищи, приносимые женой из дома родителей; 3) счастье. Выражение «кешиги жок» означало «несчастный»¹.

¹ Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. – М., 1965. – С. 384.

В узбекском языке также существовал термин «кут», одновременно обозначающий: 1) пища, пропитание; 2) счастье; 3) изобилие, обилие¹.

Последняя часть кыргызского свадебного комплекса проходила в ауле жениха. Когда новобрачная приезжает в аул жениха, ее встречает мать молодого или авторитетная, пожилая, счастливая в семейной жизни женщина с блюдом, наполненным сладостями: боорсоками, сахаром, кишмишем и т.п. (чачыла). Сладостями осыпают и жениха с невестой при входе в юрту, желая им счастья, благополучия, «сладкой жизни». Отец молодого готовится к обряду первого вхождения молодухи в свою юрту. Когда угощение у него готово (зарезан баран и т.п.), молодуха идет с девушками туда, где совершается обряд «отко киргизуу» (букв. «в огонь вошла») в первый же день. При входе молодуха низко кланяется, сложив на груди руки. Свекор высказывает пожелания, чтобы она была счастлива, угощает ее грудинкой барана. Она принимает угощение, тем самым приобщается к домашнему очагу семьи мужа. Этот обряд является свидетельством включения невесты в род жениха, приобщения ее к новому роду. На этом заканчивались все свадебные обряды.

В Иссык-Кульской области, в местности Тогузбулак, Ф.А. Фиельструпом записан следующий обряд расторжения брака: «У Сагимбая Орозбакова был случай. Старшая его сестра была просватана, но убежала к сыну волостного, за которого хотела выйти замуж. Когда приехал сговоренный жених и потребовал ее, родителям пришлось уплатить шесть верблюдов, 15 лошадей-пятiletок, 15 четырехлеток, 15 трехлеток, 15 двухлеток, 60 чапанов и хорошей материи, 60 баранов, 60 рублей.

¹ Узбекско-русский словарь под ред. А.К. Боровкова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. – С. 632.

Волостного отстранили от должности, и он уплатил еще 3х9 лошадей и три верблюда суду (биям и манапам) – иначе родителей невесты и волостного убили бы»¹.

Интереснейший и богатейший материал собран Федором Артуровичем о календаре кыргызов, причем по их локальным группам. Верный своему принципу изучать все в сопоставлении, ученый приводит сравнительный материал, собранный им самим, о календаре казахов, причем старшего, среднего и младшего жузов в отдельности; туркменов, крымских татар и ногайцев. Делается вывод: несмотря на значительную территориальную удаленность, в календаре этих народов много общего: использование 12-летнего животного цикла летосчисления, присутствие в названиях месяцев арабских и местных народных наименований. У крымских татар деревни Бажан – даже христианских, а также наличие древнего фенологического календаря и не менее древнего летосчисления по созвездию Плеяд.

Интересен материал об определении чисел месяца, о приметах, поверьях и обрядах, связанных с календарем, особенно с празднованием Нового года, о «счастливых» и «несчастливых» днях недели и т.п. Как ни странно, но и сегодня, в XXI в. – все эти приметы вокруг нас!

Большое внимание во время своих экспедиций Ф.А. Фиельструп уделял сбору терминов. Одним из первых он оценил всю важность подробной фиксации терминологии для этнографии как науки. Ученый понимал, что точное знание термина, выяснение его этимологии помогают не только глубже проникнуть в идею, лежащую в основе обозначаемого предмета, но и раскрыть его этногенетические корни, а эта проблема интересовала Федора Артуровича особенно.

Полевые записки, описание коллекций, собранных для музеев, наполнены им очень подробными и образ-

¹ *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов. – С. 18.

ными объяснениями многочисленных терминов. Многие из них не обнаружены даже в «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина – в одном из лучших тюркско-русских словарей, который богато иллюстрирован этнографическими сведениями¹.

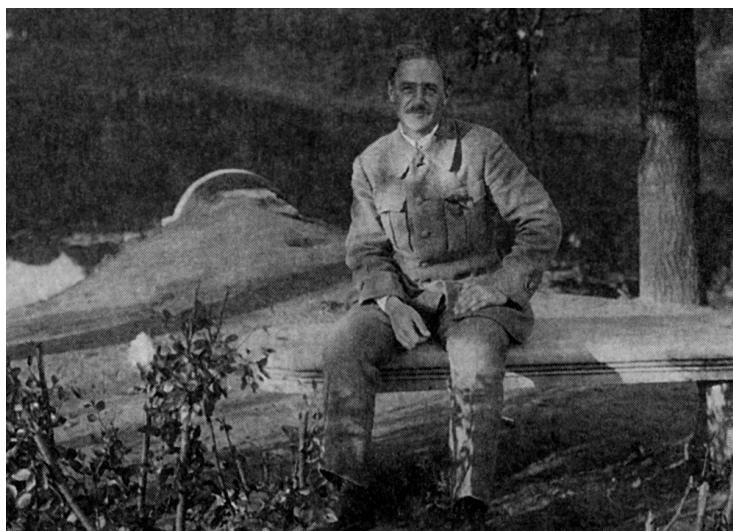
Термины так же, как и фольклорный материал, приведены ученым в транскрипции, принятой в то время в изданиях Академии наук. Причем, фиксируя различное произношение одного и того же слова в различных местностях или районах, он отмечал это для себя значком «NB» (*nota bene*). Долгие гласные переданы с помощью удвоения соответствующей русской буквы. Все топонимы представлены в русской транскрипции, как это принято в большинстве изданий. В «Словаре местных терминов», составленном Б.Х. Кармышевой и С.С. Губаевой, дано двойное написание слов: сначала так, как у Ф.А. Фиельструп, а затем, в скобках, как в «Словаре» К.К. Юдахина.

Будучи последователем русской научной школы, Федор Артурович понимал, что любое исследование требует комплексного подхода. Материалы, собранные и систематизированные Ф.А. Фиельструпом об обрядах, связанных с жизненным циклом, – свадебные, связанные с рождением и воспитанием ребенка, с хозяйственным и общественным бытом, погребально-поминальные, опубликованные в книге «Из обрядовой жизни киргизов начала XX века», еще раз подтвердили важность и необходимость исследований, проведенных в свое время Ф.А. Фиельструпом, поскольку, говоря его словами, «20–30-е годы XX в. стали переломным этапом в жизни народов СССР, тем водоразделом в их истории, когда по одну сторону осталась традиционная народная культура, а по другую – после установления нового общественного строя – нача-

¹ Кармышева Б.Х., Губаева С.С. Ф.А. Фиельструп и его исследования среди киргизов // Ф.А. Фиельструп. Из обрядовой жизни киргизов. – С. 11.

лись стремительные изменения в ней, трансформация и даже исчезновение многих ее элементов, появление новых черт, часто насильственно насаждаемых. Поэтому так важны для науки этнографические исследования того времени»¹.

Осталось добавить... необходимо и важно изучение жизненного и творческого пути тех подвижников, которые не только осознали, но и внесли свой бесценный научный вклад в исследование истории народов и времени, в котором они жили.

¹ Кармышева Б.Х., Губаева С.С. Ф.А. Фиельstrup и его исследования среди киргизов // Ф.А. Фиельstrup. Из обрядовой жизни киргизов. – С. 3.

Несколько малоизвестных страниц из трудов Ф.А. Фиельструпа

Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение

Сведения по материальной культуре.

Описание мужской одежды.

Описание женской одежды.

Описание юрты и предметов в юрте

Сведения о посуде из кожи, об устройстве коптильни,
о шерсти и о приспособлении для получения ткани.

О культуре опийного мака.

Сведения об охоте.

Упоминание о жертвоприношениях.

Сведения по археологии и указатель местонахождения
памятников.

ОТЧЕТ

Летом 1925 года я продолжал работы, начатые в предыдущем году в Семиречье, среди кыргызов, и объехал западную часть Пишпекского округа следующими маршрутами. Июнь месяц я с названными ниже спутниками провел на р. Большой Кебин, посещая кочевки сарыбагышей, постепенно подымавшихся от своих зимовок выше по реке. Весь июль и половина августа были проведены в пути от Пишпека к Андижану: через перевал Суккулук в систему р.р. Каракол, Сусамыр, Кокомерен, Джумгал, затем вверх по Джумгалу и его притокам на Терской сандык, оттуда по р. Суёк на Кочкор и трактом до с. Рыбачьего

на Иссык-Куле. Обогнув западный конец озера, мы направились на юг перевалом Конурлен на р. Кара кужур и затем на запад через Солтон-сары, Кумбель ата к Сон-Кулю, который объехали с юга. Отсюда на перевал Кара киче, Донгуз и в горы Кавак, из которых вышли перейдя в брод р. Нарын в Тогуз торо. В Ферганскую область мы прошли перевалом к вершине рч. Каравос, к северо-западу от Кугарта, и кратчайшим путем, через Базар-курган и Кокан-кишлак проехали в Андижан.

Мне сопутствовали в поездке двое киргиз Быстрореченской волости Пишпекского уезда: переводчик – Болот Абдраев и джигит Абулмажин Сыдыгалиев.

Во время своих разъездов и в работе вообще я встречал всюду любезное содействие, как в госучреждениях (Средазкомстарис, Облисполком Киргизстана и Карнаркомпрос), так и со стороны частных лиц (Джанек Солтоноев, А. Сыдыков, тов. Петровский – зав. 2-1 Советской школы в Пишпеке), не говоря уже о широком гостеприимстве, оказанном мне в степях. Приношу им всем мою искреннюю благодарность.

Программа моя была построена достаточно широко. Имея основную командировку от Государственного Русского Музея и КИПСа при Академии Наук СССР, я взял на себя в Ташкенте, по предложению Средазкомстариса сбор коллекции по этнографии киргизов для Центрального Среднеазиатского Музея и попутную рекогносцировку археологического характера, дополнительно к прежде составленному плану работ, в который входило обследование ряда вопросов из области духовной культуры.

Программа выполнялась всесторонне в течение всего периода работ, причем в первую экскурсию, т.е. в дол. Большого Кебина центр тяжести был перенесен на собирание музейного материала, по соображениям технического характера, удобство дорог и намеченное возвращение в Пишпек, к железнодорожной ветви. Это облегчило мне вторую часть поездки, более тяжелую чисто физически.

Средства, ассигнованные на приобретение вещей, были недостаточны для исчерпывающей коллекции по материальной обстановке жизни киргизов, но все же главные элементы (исключая очень крупные и дорогостоящие) этими сборами представлены.

Переходя к краткой характеристике некоторых сторон материальной культуры киргизов, мы должны в общем констатировать ее тождественность с культурой казахов. Одежда киргизов Семиречья в том виде, в каком мы ее имеем в настоящее время отражает на себе влияния соседей, и значительно многообразнее по сравнению с прежней, говорят старики.

Мужская исподняя одежда состоит из рубахи и широких подштанников. Эти части одежды, которые не всегда носились в старину, делались прежде из белой маты исключительно, причем рубаха была распашная, с низким стоячим воротником, доходящим по борту до середины груди; вместо пуговицы – пара шнурочков. Шальвары зимние из выделанной овчины, шерстью внутрь, и летние из такой же кожи, но очищенной от волоса носят и сейчас, но уже гораздо более узкие. Обычай оставлять края наружного бокового шва внизу несшитыми теперь оставлен. Трудно, также, найти в наше время шальвары из кожи каменного козла, вышитые шелками. Верхняя плечевая одежда состоит из чепкена с длинными рукавами, из домотканой армячины или покупной материи, поверх которой, в ненастную или более холодную погоду одевают киментай (кибенек, по Радлову), сшитый из кошмы высокого качества. Зимней одеждой этого порядка служит баранья шуба. Существует также и чалан из жеребьячьей шкуры, который чаще носит беднота. Пояс, вязанный или матерчатый, обхватывает талию несколько раз. На голове мужчины носят, обычно зимой, баранью шапку, крытую сверху материей (прежде вместо материи была кошма) и украшенную на верху тульи кисточкой на шнурочках. Края шапки, сильно отогнутые, образуют широкий, пушистый околыш.

Летник шляпы делаются из белой кошмы, либо из четырех треугольников, сшитых боками, причем нижние концы двух противолежащих швов остаются несшитыми, либо катаются также как кошемные чулки (байпак), т.е. в виде полого эллиптической формы тела, который разрезается поперек на два колпака. Приготовление шляп последним способом, кажется, совсем теперь исчезло. Обычная обувь – мягкие ичиги в калошах на портянке или байпак. Бедняки делают себе сандалии из сырой кожи, а пастухи для ношения на каменистых склонах гор имеют особые колодки из куска арчи или копыта жеребят, скрепленные ремешками задок к задку, которые подвязывают под подошву.

Женская одежда состоит из широких исподних шальвар, и длинной до пят рубахи, прямой в прежнее время, а сейчас со сборками и воланами, и, в верхней половине, из другой материи, обыкновенно, чем внизу. Вертикальный разрез посреди груди внизу оканчивается пришитым колечком для подвешивания платка, наперстка и др. мелочи. В прежние времена у женщин грудь по обе стороны разреза была украшена вышивкой (ё нур), сейчас уже вовсе не встречающейся, разве только в сундуках кое у кого из старух, как наследие от матери, бабушки и т.д. Поверх рубахи сейчас носят одежду разного покроя, но только чапан длинный с длинными рукавами, также как шубу считают киргизы исконно национальной одеждой, а короткие безрукавки или жакетки с короткими рукавами, выше локтя, являются заимствованием (у татар). Кроме шальвар женщины (замужние) имеют еще одну поясную одежду – это бельдемчи, вроде полубюки, которая плотно обхватывает фигуру в талии сзади, и закрывает бедра и ноги, спускаясь ниже колен и оставаясь распахнутой спереди, чтобы не мешала при верховой езде и работе. Мягкие ичиги и калоши такая же характерная обувь для женщин, как и для мужчин.

Главным отличительным признаком в костюме женщины и девушки является головной убор. Девушка носит

шапку, той же формы что и мужская, но обычно отороченная бобром, с перьями филина и ниточкой бисера на макушке. Женский головной убор представляет собой чалму из белой легкой ткани, прежде из маты исключительно, теперь из кисеи, причем количество ее свидетельствует о богатстве женщины. В старину чалма молодой женщины была не больше, чем в 9 слоев, а теперь жена богача носит до 40 аршин кисеи на голове. Волосы женщины двумя косами, закинутыми на спину, скрыты платком, надетым под чалмой, у девушки же заплетенные в затылочные и височные косички, они носятся наружу, а на спине на лопатках к ним прикреплены украшения в виде железных серебряных пластинок, бус и проч.; женские подвески к косам висят из под платка. Брачный головной убор молодухи в наше время можно найти только в чрезвычайно редких случаях. Он представляет собою в основе остроконечную девичью шапку (тахья), сейчас совершенно вышедшую из моды, богато украшенную жемчугом, кораллами, бисером и позолоченными пластинками разной формы; при переезде молодухи к мужу, она теперь сменяет шапку сразу на чалму.

Кибитки киргизов в конструктивном отношении совершенно сходны с казахскими. Кроме больших и меньшего размера кибиток, крытых в два яруса кошем, имеются кибитки, покрывающиеся одной кошмой (2 вертикальных половины), от дымового отверстия до низу – при полном деревянном скелете. Люди бедные вьючным скотом часто кочуют с купольными жердями и дымовым кольцом только, оставив кереге (решетка) на зимнике, и покрывают свой, непосредственно на земле стоящий купол нижним рядом кошм нормальной юрты. Существуют еще кошемные шалаши, с остовом из прямых жердей, расставленных конусом, и, либо связанных вместе вверху, либо нанизанных на аркан, проходящий сквозь конец крестовины квадратом, вместо дымового отверстия. Двускатные палатки, когда таковые встречаются – матерчатые по боль-

шей части и являются прямым заимствованием из оседлого Туркестана, но мне приходилось видеть и кошемные палатки, сделанные по подобию их.

Обстановка кибитки komponуется совершенно определенным образом и каждая категория предметов, если не каждый предмет, имеет свое, узаконенное обычаем место.

Центр юрты занимает котел, стоящий на железном тагане. С тагана его снимают с помощью пары особых рукавиц и ставят на обруч, чтобы не опрокидывался, в сторонке у стенки сразу направо при входе. Тут же прислонена крышка от котла, обычно сделанная из чия, и его чехол из гнутых планок, в котором его возят при кочевании. Все свежие пищевые запасы хранятся у средней части правой стенки. К ней привязана одним концом поставленная на ребро циновка из чия, обычно узорчато оплетенная цветными шерстями. Отведенная свободным концом назад, она образует ширму, за которой на подостланной жеребьячьей шкуре расставлены кожаная и деревянная посуда с молоком, скрытая от собаки и дурного глаза посторонних. Там же стоит (один или два) шест с крючьями, на котором повешено мясо, кожа, на которой делают тесто и опять-таки посуда с пищевыми продуктами или пустая. Этот шест называется чистым (ала – адал (арабск.)), так как предназначен исключительно для чистых, в духовном смысле, вещей. Такой же шест может стоять открыто у передней четверти юрты для подвешивания на нем пустой посуды напр., мешка с отцеживающимся соленым творогом и проч. и редко встречается на мужской половине для седла и прочего конского снаряжения.

Соба с кумысом стоит подле ширмы с той или другой стороны. Остальная утварь и принадлежности женского хозяйства прицеплены к решетке или заткнуты за нее, за край покровной кошмы, за тесьму, опоясывающую юрту над сгибом купольных жердей и т.д. Часть этих вещей (из мягких) находит себе место в подвесных полках – пазухах, подвязанных к купольным жердям и верхнему краю

решеток в глубине юрты в разных местах. Прямо, против входа, вдоль по стенке, сложено имущество хозяев: сундучки с вещами, кошмы, тюфяки, одеяла, подушки, крупная одежда, часто седла получше. Между этой стопой имущества и хозяйственной частью – спальное место хозяев, часто, если не везде завешиваемое на ночь занавесью, которая днем подымается и затыкается за тесьму.

Мужская, левая половина юрты значительно беднее вещами. Заткнутыми в стене вышеупомянутым образом мы находим бичи хозяина и гостей, музыкальные инструменты (обычно струнный кобыз*) и принадлежности для того или иного ремесла, практикуемого хозяином (топорик, сапожный инструментарий, лучок для плетения бича, кривой нож для вырезывания ложек и т.д.). На этой же стороне стоит люлька с сыном, а в нижнем конце подле входа сложены и подвешены седло и конское снаряжение вообще, и сидит на своей подставке беркут или сокол – если владелец юрты охотник. Для сидения на земле постланы кошмы, причем верхняя половина против входа и часть мужской половины застилаются иногда узорными кошмами, а при появлении почетного гостя сверху накладывают еще коврик, сшитый из мягковыделанной овчины, предпочтительно белой. Сидением для более скромных посетителей в нижней половине служит сухая конская шкура.

Окинув взглядом все имущество киргиз мы видим, что оно распадается на две неравные группы по своему происхождению: одна большая, состоит из предметов собственного производства. Другую составляют городские приобретения (главным образом фабричные материи). Основной материал, из которого изготовлены вещи, относящиеся к первой группе: шерсть, кожа, дерево. Последним снабжают киргиза еловые леса, более редкие лиственные породы и арча, более или менее обильно произрастающие на северных склонах некоторых из горных цепей и по ущельям. Первые два – продукты скотоводства. Кожа,

* Комуз

в зависимости от ее предназначения, употребляется в сыром виде или обрабатывается с оставленной на ней шерстью или волосом, либо очищенная также и сверху. Особым способом готовится посуда из конской или бычьей кожи. Обриту сырую кожу режут на требуемого размера и формы куски и сшивают из них нитью ссученной из шерсти и расчесанного сухожилия сосуд, который набивают затем землей, чтобы он сохранил приданную ему форму. В таком положении он стоит 2-3 дня, и если его хотят орнаментировать, то выдавливают рисунок тупым железным или деревянным орудием в это время. При копчении, которое продолжается 8-10 дней, сосуд смазывают маслом или салом. Коптильная устроивается по возможности на пригорке. Выкапывается яма и от нее покато кверху дымоход длиной сажени 2. Сверху над выходом туннеля по бокам втыкаются прутья, связанные концами, которые образуют редкую клетку и тычки. На эту постройку накладывают и навешивают сосуды и покрывают их сверху еще кошмой, чтобы густой дым от сырой соломы или курая, которые подкладывают в топку внизу, дольше заставался в работе.

Шерсть превращается либо в кошму, либо в ткань (вязанье встречается очень редко и искусство это киргизами заимствовано у соседей), и частью, вместе с конским волосом идет на арканы. Чтобы приготовить основу для ткани втыкают 4-6 колышков в землю многоугольником, и затем, одна женщина или 2, в зависимости от числа цветов нитки ходят внутри многоугольника и обносят колышки нитками с клубком в руке; у одного из колышков сидит другая женщина и пропускает нити в нитчелицу. Ткацкий станок натягивается горизонтально между двух колышков и имеет половинную длину предполагаемого куска ткани при полном натяжении, но иногда для экономии площади бесконечную петлю основы перевязывают на известном расстоянии от рабочего куска и сокращают, таким образом, длину станка.

Итак, скотоводство – главная база киргизского хозяйства. Земледелие стоит на втором плане. Наряду с пшеницей и ячменем, которые занимают главное место в ряду злаков, следует упомянуть о прежде чужой киргизам, но сейчас завоевывающей себе все больше земли культуре мака, из которого они добывают опиум. Сами киргизы опиума вовсе не употребляют и сбывают его весь на рынок. Особенно быстро развивается эта культура за последние годы, когда киргизы стали возвращаться из Китая, куда массами бежали в 1916 г. Они оценили необычайную выгодность добычи опиума и переняли у своих соседей дунган всю несложную технику ухода и сбора, вместе с набором необходимых орудий. Эти орудия, имея подобранные к ним киргизские названия, чаще называются своими китайскими именами, указывая этим путь заимствования. Наибольшего труда стоит плантатору первая пора роста мака, когда молодое растение требует тщательного выпалывания сорных трав при помощи особой лопаточки. В период сбора урожая сборщики специальным двойным ножом делают на головке мака неглубокий полукруглый порез и оставляют до утра. Выступивший молочно-белый сок густеет, становится бурым и на утро широким серповидным ножом с головки его снимают и соскребают в висящий обычно у пояса роговой сосуд. В таком сыром виде эта масса продается пакетиками в 11/8 фунта, завернутыми в листья.

Рассматривать охоту у киргизов как добывание средств к существованию нельзя. Если и охотятся некоторые на бурундуков и лисиц ради их шкур, то редко на продажу, а больше для себя, и профессиональных охотников очень мало, и те встречаются только среди бедняков. Охота носит преимущественно характер спорта и бывает различного рода: охота с пистонным ружьем на сошках (баран), пулькой с короткошерстными борзыми и, наконец, излюбленная охота с ловчей птицей. Для последней приручают целый ряд хищных птиц крупных (орлы) и мелких (сокола и др.). Дикого хищника ловят в сети, которые устанавли-

ваются на 4-х прутьях с рослого мужчину высотой, в виде трехстенной прямоугольной камеры. Приманкой служит голубь, который подвязан на маленьком вертлуге между двух коротких прутьев: внутри камеры от вершины заднего прута бичевка идет к вертлугу, который приходится на спине голубя между крыльев. Сквозь отверстия в вершине переднего прута проходит вторая бичевка, которая одним концом привязана к вертлугу, а другой, с моточком находится в руках сидящего в засаде ловца. Завидев добычу, ловец дергает за бичевку и заставляет голубя биться и привлекать к себе внимание. Бросаясь на приманку, хищник запутывается в сетях, которые не выдержав сильного удара, падают вместе со своими прутьями. Без участия ловца поймать хищную птицу можно, поставив сеть уже со всеми 4-мя глухими стенками. Так как хищник хватает добычу налетая на нее сзади, то непременно попадает в одну из стенок. Довольно продолжительный процесс воспитания пойманной птицы изобилует интересными приемами ухода за нею, приручения и привязывания. Пути для дикой еще птицы отличаются от обыкновенных длиной, устройством и легкостью, на лапы надеваются особые чехлы, а на шею ожерелья из деревянных планочек, чтобы она не расклевала пути. Целый ряд разного рода фактов таким образом создает любопытную картину сложной техники охоты с ловчими птицами.

Продолжая свои исследования обычаев, я уделял особое внимание вопросу о браке и ритуалу, связанному со смертью и поминками по умершим, в котором находит себе такое ясное выражение родовой строй киргизов. Вместе с несколькими торжествами, которыми отмечаются этапы в жизни ребенка они составляют весь обязательный общественный регламент на земной пути человека.

Исключительный интерес представляют собою жертвоприношения, которые до сих пор практикуются в кочевой период года, и хотя во внешних формах не отличаются от мусульманских празднеств, имеют несомненно языческие

обряды в своей основе. С языческим мировоззрением связаны также гадания и знахарские приемы лечения больных, которые состоят преимущественно в магических действиях, побуждающих подчиненных знахарю духов вступить в борьбу с духами – носителями болезни. К разряду невропатологических явлений следует, по-видимому, отнести встречающееся довольно редко у некоторых мужчин (и женщин) болезненное непротивление известному музыкальному мотиву, который заставляет их плясать до изнеможения. Истинный характер этого явления окончательно мною еще невыяснен, но обращает на себя внимание, также как и менее редкие случаи «эмерячения». Общественные времяпрепровождения и игры представлены в моих записях довольно значительным материалом. Номенклатура родства и свойства, исчерпывающим образом собранная, дает материал для сравнения с таковым других народностей. Особый интерес и обширные познания в своей генеалогии у многих киргизов на моем пути были использованы по примеру прошлого года, и родословная таблица саяков значительно пополнилась новыми сведениями.

Проехав Горное Семиречье в разных направлениях, я вынес несомненное впечатление, что эта страна во все времена бывала не менее заселена, чем сейчас. По всей открытой степи, на всех удобных склонах гор и даже небольших площадках, в узких теснинах горных рек, где только может стать на землю твердой ногой человек и даже в таких местах, где сейчас нет следов зимовок или кочевых стойбищ – всюду я встречал разного рода могильники и курганы.

Ознакомившись с ними только очень поверхностно, буквально мимоходом на своем пути, я не имею возможности дать строгую классификацию по типам, и вместо этого, для краткости опишу их внешний облик, каждую разновидность отдельно и укажу приблизительное местонахождение их, поскольку они отмечены в моем дневнике.

Чаще всего приходилось встречать:

- 1) Незначительной высоты круглую каменную насыпь, диаметром метра 3 и меньше, более или менее прикрываемую наносной почвой и поросшую травой. Такие могильники усеивают участки степи и косогоры, иной раз довольно значительными группами, и местами тесно примыкая один к другому. Отмечу здесь же, что в урочище Уч-Булак на р. Большой Кебин я видел несколько таких могильников, насыпь которых была как-будто составлена из камней, расположенных концентрическими кругами – насколько я мог разгадать ее под слоем наноса и травяным покровом.
- 2) Та же насыпь обнесена прямоугольной рамкой из одного ряда камней, только слегка выдающихся над поверхностью земли.
- 3) Такого же характера насыпь, но отмечена четырьмя крупными камнями, расположенными как бы по углам прямоугольника, в поперечнике меньшего, чем диаметр насыпи.
- 4) Такая же насыпь, но крупнее и с мелким разложистым рвом вокруг под основанием могильника.
- 5) Насыпь из крупного булыжника, высотой приблизительно в 1 – 1/2 метра и метров 15-20 в диаметре. Курган окружен кольцом из сплошной цепи камней в один ряд, лежащих вровень с землей, на расстоянии приблизительно 5 шагов от края насыпи. Находятся по 2-3 вместе.
- 6) Земляные курганы, высотой с всадника и выше, диаметром 15-20 метров. Ровно округлый холм, с мелким пологим кольцевым рвом вокруг основания. Встречаются только в широких долинах и пересекают их прямой цепью в 5-7 курганов на равном расстоянии один от другого.
- 7) Плоские могилы прямоугольной формы, отмеченные толстыми каменными плитами, ребра которых только слегка выдаются из земли. Размеры приблизительно 1 – 1/2 метра в квадрате.

- 8) Крупный плоский параллелограмм, образованный широкой рамой из нескольких рядов камня.
- 9) Прямоугольные аккуратно обрамленные небольшими плитками из гранита, слегка выдающимися над уровнем земли. Расположены бок о бок в ряд. Длина (СВ-ЮЗ) приблизительно 1 метр. С одной короткой (СВ) стороны отдельная плитка, поставленная вертикально, выше уровня рамы.
- 10) Миниатюрные (1 кв.фут.) квадраты, стенки которых составлены из 4 плиток, выходящих ребрами на поверхность земли.

Переходя к указанию пунктов, где я находил эти могильники, возвращаюсь к порядку своего маршрута и начну с долины р. Большой Кебин, где я наблюдал разного рода памятники старины. Верстах в 15 от своего выхода на р. Чу (кстати сказать, называемую у киргизов вплоть до её слияния с Малым Кебином не Чуй, а Джужан арык) долина Большая Кебина имеет наибольшую ширину на протяжении приблизительно 1–верст по течению и представляет обширные площади по обоим берегам реки для зимовок и земледелия киргизам и крестьянам пос. Ново-российского. В этом районе мы находим не менее трех цепей курганов №6. Здесь же и выше по реке, на правом берегу только, так как горы с южной стороны подступают скоро к самому руслу реки, обильно раскинуты группы №№1, 2 и 4 на подпойменной террасе и выше, на второй и её местами пологих склонах.

Вверх по правому берегу Большого Кебина за Джашилькуль, где дорога с надпойменной террасы подымается на вторую с большими выходами гранита, киргизы обращают внимание на аккуратный ряд гладких глыб, как-будто уложенных рукой человека, и считают это следами мощеной дороги, идущей на Алматы и дальше через горы с юга. Далее, в одном из уширений надпойменной террасы довольно ясно сохранилась система низких валов вдоль по реке и поперек долинки, обозначающих населенное место в прошлом.

На левом берегу р. Чу, пониже впадения Большого Кебина, в устьи ущелья большое скопление могильников №№1 и 4 и несколько №10. Кроме того, у подошвы гор встречаются выбитые на скалах и камнях рисунки маралов, оленей и козлов; среди них имеются и другие, изобличающие своей свежестью и неумелостью работы копии, сделанные рукой, может быть, современного населения края.

На р. Каракол, ниже речки Чорташ, подле выходящей вперед к реке второй террасы, на нижней имеется 2 кургана №5, на одном из которых насыпь раскидана и группа №1. Последние образуют также крупное сплошное кладбище и на верхней террасе. В верховьях Чорташа имеются писаницы, по словам местных киргизов, и каменные бабы к истокам самого Каракола.

На высокой террасе, заканчивающей правый склон долины Кумбель, соседящей с Коксу (по карте Кавак-су) непосредственно перед поворотом Кёкёмерена (по карте Сусамыр) на юг в теснину имеется №9.

В долине р. Кёкёмерен (по карте Сусамыр), где она протекает последние 20-25 верст перед слиянием с р. Джумгал на небольших площадках, отмечающих впадение ручейков, встречаются могильники №1, а на одной из них несколько №5.

В долинке Тугельдысу, сходящей к Джумгалу с гор Терской сандык находится значительное число №1 и встречаются основания каменных стен, обегавших всю открытую площадку и заканчивающихся у самой воды, заграждая доступ к стоянке по узким концам площадки.

На Терской сандык, по дороге от Сары Куля к Джалпак ташу могильник №8.

На правом берегу р. Суёк, на удобных площадках, часто видны основания стен, таких же, как на Тугельдысу и могильники №№1 и 4. У зимовки, близ падения в Суёк Чегектысу стоит каменная баба – прямоугольный в сечении столб, с лицом в верхней части, обращенным на С. Другая баба, но уже без видимого рисунка – гладко

отшлифованный столб – находится ниже, неподалеку от устья долины Суёк. Тут же могилы № 7. У одной из них за западной стенкой вкопан на ребро округлый плоский булыжник, как будто искусственно обтесанный. Далее могила №3.

Неподалеку от сел. Качкорки (Карабо), по полученным сведениям, на выходе по тракту слева в траве лежит баба, представляющая собой, по-видимому, полную фигуру воина, так как местные жители описывают ее «с крестом и книгой». Некоторое число баб имеется в верховьях речки Ичке Талдыбулак, сбегаящей к Иссык-Кулю на восток от сел. Рыбачьего, говорят.

В Рыбачьем же мне сообщили, что в горах Джильтюбе в урочище Кульджа буту сынган имеются также бабы и рисунки зверей на скалах, на что указывает, по-видимому, и название урочища. 2 бабы должны быть под горой Дуана в районе впадения Кара-су в Ак-терек на краю долины Алабаш под перевалом Конурлен. Обломок бабы – лицо на прямоугольной плите розового камня лежит на пути, ведущем к перевалу в сторону Солтон-сары у устья ущелья по левому берегу Кара Кужура, несколько ниже его поворота на Запад. В долине Солтон-сары, на южной стороне речки, против ущелья Соку-таш, лежит торс бабы, без головы: фигура воина с вырезом чапана на груди, правая рука держит чашу на груди; левая на эфесе шашки; с правого бока пониже талии на необитой поверхности камня выбит продольный параллелограмм с чертой повыше его.

На южном берегу Сонкуля, близко на восток от речки Таштула имеется группа весьма любопытных памятников, по которым и названа упомянутая речка. Поперек долины (с Ю. на С.) цепью расположено на расстоянии одно от другого 9 колец из крупных окатанных глыб гранита, близко примыкающих друг к другу и выдающихся, приблизительно, на четверть на поверхности земли – по 8 глыб в кольце. Эти кольца носят название Манастын таш туласы

– каменные таганы народного героя Манаса. К западу от ближнего к озеру кольца, сажень в 60 стоит в наклонном положении Манастын мамысы – коновязь Манаса округло-трехгранный в сечении каменный столб, высотой почти в сажень. К востоку от колец стоит вертикально прямоугольная в сечении плита, аршина 2 – 1/2 высотой, 1/2 арш. Ширины и 1/4 толщины. Это коновязь Алмамбета – джигита Манаса. Столб кругом обнесен кольцом крупного булыжника, обнаженного вровень с землей. Таким же кольцом был обнесен и первый столб.

На западной стороне Сон-куля, в степи, есть 2-3 кургана типа №6, из которых один покрыт сплошь киргизскими могилами. В северо-западном углу озера, на урочище Тулпарташ стоят две бабы, обращенные лицом на запад или северо-запад. Одна из них представляет собой округлую голову на коротком столбике, другая – не искусно высеченная, полная фигура с чашей в руках, сложенных на животе. Там же есть и могильники разного типа. По западную сторону перевала Кара киче, на левом берегу речки встречаются группы могильников №№1 и 4.

На правом берегу речки Асхала, при её выходе в долину Нарын, против урочища Тогуз торо мыс второй террасы обильно усеян могильниками №№1 и 4, представляя собой сплошное кладбище. Отсюда к западу на правой надпойменной террасе, между р. Асхала и бродом две цепи курганов №6.

Кроме этих минимальных наблюдений, отмечавшихся по пути моего следования укажу еще, что у северного подножья Александровского хребта каменные бабы находятся довольно часто, например, в районе р. Шамши и соседних, и крестьяне с сел. Токмак нередко привозят себе таковых со степи, чтобы поставить «каменного бога» во дворе ради курьеза.

В заключение списка памятников древности назову еще долину р. Джаналаш, между р. Джак болот и Кень су, где в 1924 году я видел каменную бабу – долго-

ватый валун с высеченным на нем одним лицом, обращенным на восток.

Большая часть каменных баб, приведенных мною выше, остались, к сожалению, за пределами досягаемости для меня по разным причинам и какова обстановка, в которой они стоят, мне неизвестна. Те же, что были найдены не дают нам ключей к разгадке их значения. Они обращены лицом в разных направлениях, как мы видели, не связаны ни с какими погребениями, по видимому, стоя подчас совершенно изолировано в степи на ровной плоскости.

Рисунки зверей, высеченные на камне, мне пришлось видеть только в двух пунктах: на р. Чу под Большим Кебином и на одном из притоков Чор таша. Характер этих писаниц такой же, как и у большинства писаниц Минусинского края: схематическое плоскостное изображение зверя, сделанное частыми дробными ударами на гладкой поверхности камня.

Приложение

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

1. р. Большой Кебин, р. Чу, р. Каракол, р. Кёкёмерен, рч. Тулпарташ р. Суёк, рч. Кара-киче, рч. Асхала-Нарын.
2. р. Большой Кебин
3. р. Суёк
4. р. Большой Кебин, р. Чу, р. Чуёк, рч. Каракиче, рч. Асхала-Нарын
5. р. Каракол, р. Кёкёмерен
6. р. Большой Кебин, Сон-Куль, р. Нарын
7. р. Суёк
8. Терской сандык
9. рч. Кумбель – Кёкёмерен
10. р. Большой Кебин – Чу.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ.

- 1/ р. Больш. Кебин, р. Чу, р. Каракол, р. Кокөмерен, рч. Т
р. Суёк, рч. Кара киче, рч. Аохала-Нарын
- 2/ р. Больш. Кебин.
- 3/ р. Суёк
- 4/ р. Б. Кебин, р. Чу, р. Суёк, рч. Кара киче, рч. Аохала-
- 5/ р. Каракол, р. Кокөмерен.
- 6/ р. Б. Кебин, Сон куль, р. Нарын.
- 7/ р. Суёк
- 8/ Терокей сандык
- 9/ рч. Кумбель - Кокөмерен.
- 10/ р. Больш. Кебин - Чу

КАМЕННЫЕ БАБИ: р. Каракол, р. Суёк, сел. Кочкорка, рч.
булак /Иосик куль/, горы Джильтобе, гора Дуана /Кодурлен/
Кужур, дол. Солтон сары, Тулпарташ /Сон куль/, р. Джанадаш
у./, подножье Александровского хребта.

Рисунки на камнях: р. Чу, рч. Чорташ, Джильтобе.

С. Яковлев

Адрес: Ленинград, Институт 4
Гос. Музей, Музей, Ленинград

КАМЕННЫЕ БАБЫ:

Р. Каракол, р. Суёк, сел. Кочкорка, рч. Таш булак (Иссык-Куль), горы Джильтюбе, гора Дуана (Конурлен), Кужур, дол. Солтон Сары, Тулпарташ (Сон-Куль), р. Джаналаш, подножье Александровского хребта.

РИСУНКИ НА КАМНЯХ:

Р. Чу, рч. Чорташ, Джиль тюбе.

Ф. Фиельструп

Адрес: Ленинград, Инженерная, 4
Государственный Русский Музей
Этнографический отдел

Рукописный фонд НАН КР, д. № 2.

ЭТНОГРАФИЯ

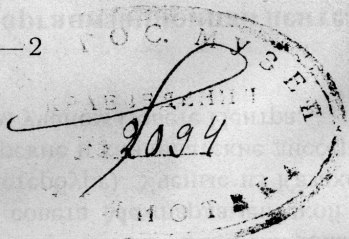
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА, проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА,
акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА, проф. Б. М. СОКОЛОВА
и проф. Л. Я. ШТЕРНБЕРГА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секр. проф. Б. М. Соколов

1—2

Handwritten signature

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ
УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНУКА)

МОСКВА
1926
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
(ГОСИЗДАТ)

ЗАМЕТКИ

«Кара-Космос» Рубрука

В массе интереснейшего этнографического материала, который мы находим у миссионера *Вильгельма де Рубрука*, по поручению французского короля Людовика IX совершившего свое известное путешествие по Татарии в 1253–54 гг.¹, есть довольно пространное описание одного напитка, употреблявшегося в ставках татарских владык.

В главе VI (с. 74), говоря о различных молочных продуктах кочевого хозяйства, он пишет между прочим: «Они (татары) делают также для нужд важных господ кара-космос, т.е. черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правилom служит то, что ни у одного животного, если оно не стельно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается. Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собой сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Батый имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, т.е. во всякий день (он получает) молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого, белого, молока, которое приносят другие».

Это описание подало мне мысль поискать следов каракосмоса (кара-кумыса) у современных турков-кочевников, тем более что у меня возникли кое-какие сомне-

¹ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука. Перевод А.И. Малеина. Изд. А.С. Суворина, 1911.

ния относительно правильности сведений, полученных Рубруком от своего переводчика и не проверенных им собственными глазами, по всей вероятности.

Ошибочно, разумеется, предположение, что не свертывается молоко не стельной матки любого животного (кобылицы в данном случае), как передает соответствующую фразу А.И. Малеин. Перевод Рокхилля, по-видимому, более точен: «молоко той матки не свертывается, у детеныша (плода) которой (еще до или в момент рождения) не находится в желудке свернувшееся молоко». Я воздержусь от оценки первой половины этого положения, что же касается второй половины, то мы знаем, что ферментом, взятым из желудка новорожденного теленка или ягненка (которое, очевидно, татары принимают за свернувшееся молоко), заквашивают молоко, приготовляя из него сыр (например, овечий сыр – пенир, у крымских татар). Но в каком отношении присутствие этого фермента стоит с молоком матки, неясно.

Как известно, чем дольше сбивают кумыс, тем равномернее происходит брожение, тем лучше сам напиток и тем меньше дает он творожистого осадка. У турков-кочевников хозяйку оценивают, между прочим, по тому, много ли такого осадка в кумысе, которым она потчует гостя. Если прилить в сабу новый удой и не взболтать жидкость по крайней мере несколькими ударами ботала (пшкек), то свежее молоко сразу створожится и осядет на дно, и кумыс испорчен. Что касается свежего кобыльего молока, то, по мнению всех моих собеседников-киргиз, с которыми я вел разговор на эту тему, сбивание его не может привести к результату, описанному *Рубруком*. Об употреблении свежего кобыльего молока вообще никаких сведений я не имею.

Оставляя попытку найти кара-космос по описанию способа его приготовления, обратимся к характеристике готового продукта и сравним его с двумя напитками, употребляющимися еще сейчас у наших степных скотоводов или употреблявшимися в еще не столь отдаленном прошлом.

Мы имеет в виду, во-первых, водку, которую кочевники выгоняют из кислого молока. В настоящее время мы чаще встречаем перегонку айрана (у минусинских татар, калмыков), т.е. кислого коровьего молока. У семиреченских киргизов и у некоторых алтайских племен недавно употребляли для этой цели кумыс. Получаемый продукт очень похож на хлебную самогонку, т.е. прозрачен и может быть сравним с сывороткой или белым виноградным соком (см. цитату). Крепость водки находится в обратной зависимости от количества ее, понятно. Айран минусинцев дает им к каждому празднику очень значительное количество водки. О кумысе у меня нет точных данных, но, принимая во внимание большую крепость кумысной водки, мы вправе предполагать, что количество ее у ее потребителей было также значительно.

Гуща, остающаяся в котле после перегонки, у саяно-алтайской группы племен идет на приготовление сырков, киргизы же выбрасывают ее, считая негодной к употреблению. Как творожистый осадок в кумысе, так и эта гуща — пьяные, причем больше алкоголя содержит последняя.

Другим кандидатом на родство с кара-космос является тундурма-кумыс (тундурган-, тунук-, кустурма-кумыс), который еще знают старики киргизы Семиречья. Чтобы получить тундурма-кумыс, нужно большое количество кумыса, для чего его собирали в течение нескольких дней, не распивая, и тогда он пропорционально набирался силы. После вечернего удоя доливают собу свежим молоком, взбалтывают как следует и затем оставляют кумыс стоять до утра. С подготовленного таким собиранием кумыса утром, не взбалтывая, осторожно сливают сверху жидкость, которая отстоялась за ночь (дав в осадке творожистый порошок уруп) и стала гораздо прозрачнее обыкновенного кумыса. На большое количество кумыса получается очень незначительный верхний слой этой жидкости. Тундурма-кумыс крепче белого и ценился выше его, и только богачи могли иметь его немного, чтобы угостить ближайших друзей.

Не считая возможным высказаться категорически в пользу родства того или другого продукта с кара-космосом *Рубрука*, отмечу некоторые опорные точки для суждения.

Термин кара-кумыс, хотя и не употребительный совершенно в наше время, оказался все же понятным киргизам, для которых отстоявшийся, утративший свою белизну, следовательно, потемневший тундурма-кумыс является черным. Такой же черной, собственно, может считаться и водка, которая сейчас у турков повсеместно называется арака (и диалектическими разновидностями того же корня). Сопоставим холодный и несложный способ приготовления тундурма-кумыса и горячий, требующий особого аппарата, и значительно более сложный способ выгонки водки. При выборе между ними, нам кажется, должно признать за первым серьезное преимущество, так как иначе, по всей вероятности, *Рубрук* не преминул бы упомянуть о сидке араки, как об одном из занятий женщин, – разве только она производилась вне ставки, т.е. вне поля его наблюдения. Арака у народностей, делающих ее, употребляется всеми решительно, независимо от общественного положения, между тем как кара-космос, по словам путешественника, делают «для нужд важных господ» только, так как даже при наличии 3 тысяч кобылиц Батый не мог угощать им весь свой двор. Гуцца, остающаяся после сидки водки, несколько подпекается от кипячения и не так бела, как уруп в кумысе, но в то же время она более пьяна, и количество ее больше, чем после тундурма-кумыса. Молочная водка по крепости также не уступает деревенской самогонке, и угощение ею непременно вызвало бы сильное опьянение, между тем о таком действии кара-космоса автор не упоминает особо, и во всех случаях пьянства фигурирует обычно вино.

Ф. Фиельструп.

Ж. Этнография. Вып. 1–2. – М.; Л., 1926. – С. 259–261.

Вера Митрофановна Петровец – доктор исторических наук, профессор Кыргызского Государственного Университета рассказывает:

В 1968 г., 2 августа мне довелось повстречаться и побеседовать с известным этнографом С.М.Абрамзоном.

Ученый рассказал о том, что в 1926 г. он был приглашен в Кыргызстан С.М. Маловым для организации исторического музея. И здесь, в Кыргызстане, он работал в экспедиции с Федором Артуровичем Фиельstrupом – бывшим в то время заведующим этнографическим отделом и среднеазиатским отделением Русского музея в Ленинграде.

В Кыргызстане Ф.А. Фиельstrup был в 1924, 1926 г.г. Цель его экспедиции – этнографические исследования. В результате этих исследований был собран огромный коллекционный материал, который и стал впоследствии материальной основой государственного исторического музея Кыргызстана.

Ф.А. Фиельstrup предоставил краеведческие экспонаты из Пржевальска, Джалал-Абада и других районов республики.

«Мы хотели создать не обыкновенный исторический музей – вспоминал С.М. Абрамзон, – скорее, мемориал истории страны, по примеру мемориального музея им. М.В. Фрунзе. И даже готовили документы...

А Федор Артурович Фиельstrup погиб в 1933 г. в заключении.»

С.М. Абрамзон в 1927-1931 г.г. являлся заведующим исторического музея и одновременно работал в НИИ краеведения».

*Запись выполнена С.В. Плоских
5 января 1993 г.*

АРХЕОЛОГИ, ЭТНОГРАФЫ, ФОЛЬКЛОРИСТЫ, КРАЕВЕДЫ

И.С. Абрамов

А.С. Бежкович

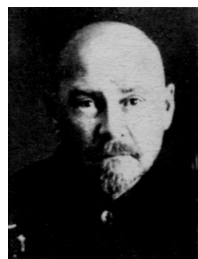
Г.А. Бонч-Осмоловский

М.П. Грязнов

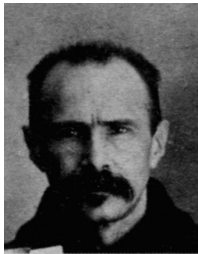
И.А. Зарембский

Д.А. Золотарев

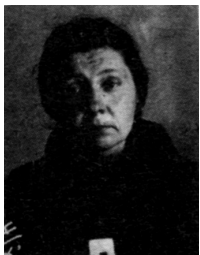
К.В. Квитка

Б.Г. Крыжановский

Ф.А. Фиельструп

Н.И. Лебедева

А.А. Миллер

М.А. Фриде

Фото из книги: «Дело славистов» 30-е годы. М.1994.

Вместо заключения

Время шло. Разворачивались новые процессы в России. Пошли массовые репрессии, в которых гибли талантливые люди, представители всех национальностей огромной России. И в небольшой Киргизии набирали обороты карательные меры. В том числе и в отношении молодой когорты ученых. «Дело Социал-Туранской партии» и первые жертвы учителей и ученых: И. Арабаев, А. Сыдыков, Б. Солтоноев, Е. Поливанов, К. Тыныстанов.

Закончилась Великая Отечественная война. И – новый виток репрессий, правда, не всегда со смертельным исходом, но не менее болезненный: после критики журналов и кино, опер и идеализации прошлого. В Кыргызстане и в 1970-х годах пострадали от партийной критики ленинградский этнограф-краевед С.М. Абрамзон, в Кыргызстане прослыл «кыргызским националистом» известный тюрколог К.К. Юдахин, пострадали ученый-правовед К. Нурбеков и историк-этнограф С. Аттокуров и многие другие.

Но прервать научные исследования или «делать» науку по идеологическим призывам не удалось. Наука имеет свои законы. Интеллигенция имеет свою судьбу. И дело ученых – продолжать развивать научную школу – первооткрывателей. Нить прогресса нельзя прервать.

P.S. По «Делу Славистов» проходило еще два ученых, оставивших заметный след в науке Кыргызстана. Это – археолог Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) и этнограф Афанасий Семенович Бежкович (1892–1977). После ссылки и лагерей они возвратились в Ленинград и продолжали заниматься проблемами археологии и этнографии Средней Азии. Однако, это уже другая история.

ВОРОПАЕВА В.А., ПЛОСКИХ С.В.
Две страницы репрессированной науки:
В.И. Вернадский и Ф.А. Фиельструп в «Деле славистов»

Компьютерная верстка Агранат О.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Объем 6,75 п.л.
Подписано в печать 16,04.2007.
Тираж 300 экз.

Заказ №101.